СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

75

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

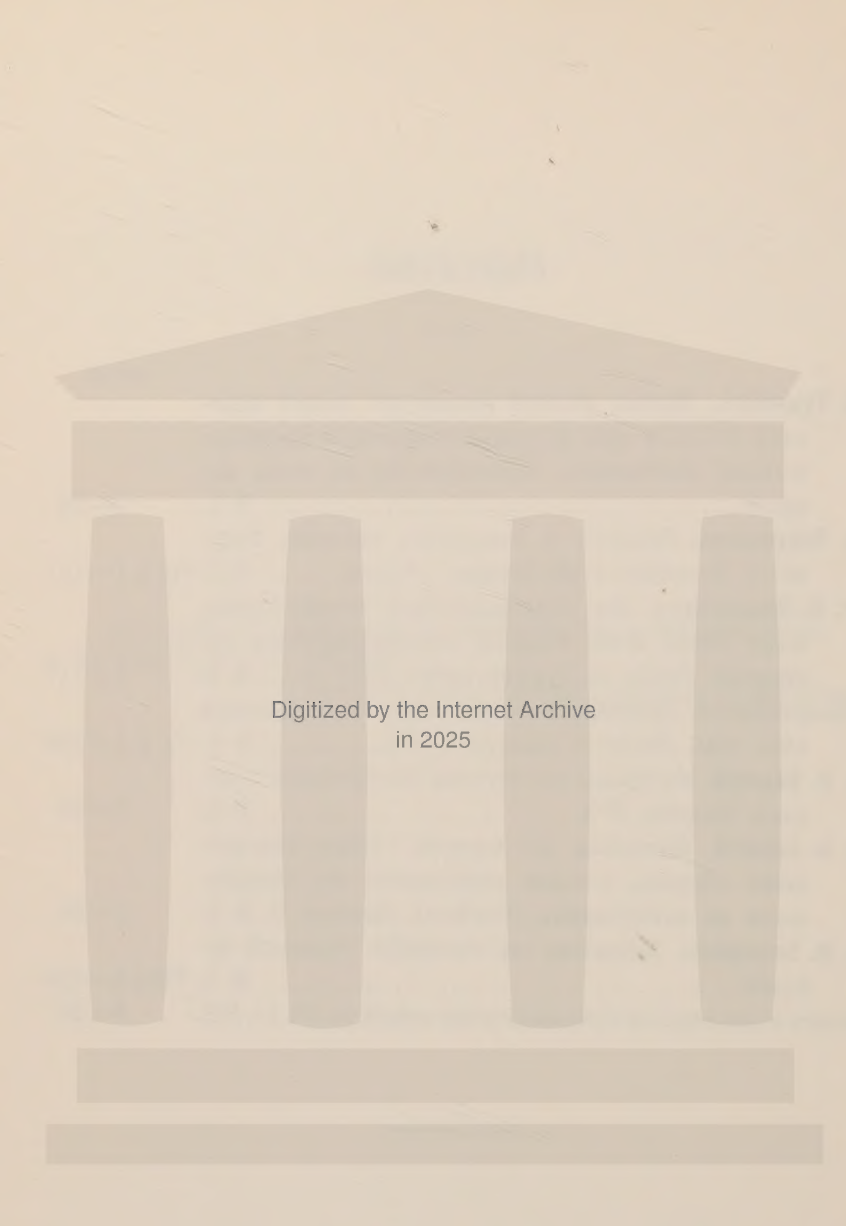
KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Январь 1904 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

СОДЕРЖАНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 1.

ВЛІЯНІЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII-го ВѢКА
НА
СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.

М. Тумановъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь, 1903.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Ни одно изъ старинныхъ злоупотребленій въ государственной жизни русскаго общества XVIII вѣка не подвергалось такимъ безпощаднымъ порицаніямъ въ нашей литературѣ, какъ судебныя проволочки и взяточничества. Можно легко подобрать массу свидѣтельствъ изъ этой области, въ которыхъ сказывается не только просто насмѣшливое, но часто и раздражительное отношеніе писателей къ русскимъ судьямъ того времени. Больше всего такое враждебное и ядовитое порицаніе встрѣчается въ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ журналахъ Новикова, но оно проходитъ, какъ опредѣленное направленіе, и во всѣхъ другихъ областяхъ литературы. Записки современниковъ и офиціальные документы въ свою очередь показываютъ, что со стороны писателей въ данномъ случаѣ не было никакихъ преувеличеній: почти любой случай изъ судебной практики въ разсматриваемую эпоху, который подъ перомъ писателя легко можетъ показаться карикатурой на дѣйствительность, находитъ для себя совершенно соотвѣтствующій историческій фактъ, абсолютно равнаго достоинства. Воспоминанія лучшихъ людей, вводящія насъ въ интимную жизнь этого вѣка, часто описываютъ и такіе случаи судебныхъ кляузъ и крючкотворства, которые даже способны дать намъ поводъ обвинять литературу за то, что она еще недостаточно энергично подчеркивала это общественное зло.

Но имѣли-ли какое-нибудь значеніе подобныя обличенія со стороны нашихъ тогдашнихъ писателей? Успѣли-ли они повліять на русскую жизнь того времени такимъ образомъ, что наконецъ

эта общественная язва мало-по-малу стала терять свою силу и судебное производство дѣлъ улучшилось?

Какъ видимъ, частный вопросъ пріобрѣтаетъ при подобной постановкѣ его уже принципіальное значеніе и скрываетъ за собой болѣе широкую мысль: *имѣла-ли вообще русская литература второй половины XVIII-го вѣка силу измѣнять въ лучшую сторону общественную жизнь своего времени?*

Аѳанасьевъ въ книгѣ своей — «Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ» (Москва 1859 г.), излагая взгляды тогдашнихъ сатириковъ по вопросу о правосудіи, находилъ, что ихъ обличенія не были безрезультатны и что въ тѣхъ же журналахъ появляются уже изрѣдка извѣстія о новыхъ молодыхъ судьяхъ и воеводахъ, которые, очевидно, подъ вліяніемъ литературныхъ идей, вершатъ дѣла по правдѣ, отказываются брать взятки и вообще отличаются неподкупной честностью. Къ сожалѣнію, Аѳанасьевъ ограничился лишь одними литературными свидѣтельствами и не провѣрилъ ихъ записками современниковъ и историческими справками, благодаря чему и эта мысль его не могла быть особенно убѣдительной. Извѣстно, что русскіе сатирическіе журналы XVIII-го вѣка не только рисовали на своихъ страницахъ типы порочныхъ людей, но стремились исправить общественные недостатки и тѣмъ, что думали вселять въ читателей, помимо отвращенія отъ порока, также и любовь къ добродѣтели; а для того нужно было указывать примѣры для подражаній, т. е. выводить и типы честныхъ людей. Такимъ путемъ легко объясняются всѣ извѣщенія журналовъ о честныхъ судьяхъ. Вдобавокъ, тѣ же журналы нерѣдко и сами подрывали довѣріе къ себѣ, благодаря легкомысленнымъ выходкамъ въ этомъ смыслѣ. Такъ «Всякая Всячина», напримѣръ, прямо брала судей лихоимцевъ подъ свое покровительство и увѣряла, что если судьи берутъ взятки, то единственно потому, что сами просители соблазняютъ ихъ: «перестанемъ быти злыми, не будемъ имѣти причины жаловаться на неправосудіе», говорилось здѣсь по этому поводу въ заключеніе (листъ 108, стр. 276 сл.). Одинъ изъ луч-

шихъ журналовъ 1769-го года,—«Смѣсь», въ свою очередь говорилъ, что «нынѣ взятки вывелись изъ моды» (листъ 3, стр. 22). Тѣ же самыя слова мы встрѣчаемъ, впрочемъ, и у Фонъ-Визина, который заявлялъ въ своемъ «Бригадирѣ»: «большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ» (Полн. Собр. Соч., изд. Каспари. Спб. 1893, стр. 73). Въ журналѣ 1772 г. — «Вечера», выходившемъ одновременно съ «Живописцемъ» Новикова, по тому же вопросу выражалась надежда, что «вскорѣ возсіяетъ истина, исчезнутъ совсѣмъ приказныя сплетни, воспоютъ музы, прославятъ царствующую на землѣ Астрею» (часть I, стр. 5).

Между тѣмъ тѣ же литературныя свидѣтельства, которыя имѣлъ въ виду Аѳанасьевъ, показываютъ, что безпорядки въ русскомъ судопроизводствѣ продолжали существовать во все продолженіе XVIII-го вѣка: судей лихоимцевъ осмѣивали въ самомъ концѣ столѣтія Капнистъ и Судовщиковъ, не говоря уже о сатирическихъ журналахъ, въ родѣ «Почты Духовъ», «Зрителя», «Меркурія» и т. д.

Эти и подобные факты дали поводъ критикѣ усомниться въ правотѣ взглядовъ Аѳанасьева на историческое значеніе русской сатирической литературы въ общественной жизни нашего народа и ея культурную роль. Добролюбовъ, извѣстный писатель, подвергнулъ книгу Аѳанасьева жестокому разбору на страницахъ «Современника» (1859 г. Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. Также въ Собраніяхъ сочиненій его). Послѣ разнообразныхъ историческихъ справокъ онъ указалъ, что суды осмѣивали еще Гоголь и Щедринъ, т. е. спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ журналовъ 1769 года. Резюмируя окончательно свои сужденія по этому вопросу, Добролюбовъ говорилъ: «Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго (18-го) столѣтія пороки эти если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины».

Въ слѣдующемъ году появилась обширная статья Мордов-

цева, посвященная нашей первоначальной періодической печати, въ которой между прочимъ разсматривался и вопросъ о старинномъ русскомъ правосудіи (Русское Слово, 1860, февраль и мартъ). Авторъ ея не только повторяетъ взгляды Добролюбова, но и выставляетъ ихъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ; по его мысли, полная несостоятельность литературныхъ притязаній исправить общественные пороки есть несомнѣнный историческій фактъ, установленный разъ на всегда, а потому и всѣ усилія сатиры улучшить старинное судопроизводство были по меньшей мѣрѣ наивнымъ самообольщеніемъ. «Нужно, вѣроятно, — писалъ онъ, — что-нибудь больше и дѣйствительнѣй, чѣмъ насмѣшки журналовъ, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. О подьячихъ ходила въ то время поговорка, что «отъ подьячихъ деньгами, отъ воровъ дубиною, отъ чертей крестомъ избавиться можно»; а чиновники смѣялись надъ этой бранью, или тупо и равнодушно смотрѣли на журнальныя нападки, которыя для нихъ нисколько не были страшны; большая часть изъ нихъ не знали даже о существованіи журналовъ. Какъ бы то ни было, литература тѣшила себя этой безполезной войною, безполезной потому, что она не вызывала никакихъ радикальныхъ перемѣнъ и современемъ была совершенно забыта».

Подобный взглядъ прочно установился послѣ этого въ научномъ сознаніи и долго повторялся потомъ въ различныхъ трудахъ по исторіи русской культуры. Но особенную важность пріобрѣтаетъ для насъ попытка В. А. Гольцева выяснить, въ какой мѣрѣ измѣненія общественныхъ нравовъ русскаго народа стояли въ зависимости отъ государственныхъ учрежденій и законодательной дѣятельности правительства (Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.; первое изданіе въ 1886 г., второе — въ 1896). Авторъ этого труда, прослѣдивъ постепенныя перемѣны въ состояніи русскихъ нравовъ въ XVIII в., приходитъ наконецъ къ выводу, что общественная нравственность къ концу столѣтія замѣтно измѣнилась, прежде всего подъ вліяніемъ законодательства, къ лучшему. Однако по вопросу о правосудіи

Гольцевъ не имѣлъ, при всемъ желаніи, возможности отмѣтить никакихъ улучшеній. Вотъ его окончательный выводъ по этому поводу: «Русское общество прошлаго вѣка страдало отъ взяточничества. Но было бы несправедливостію поставить это, при наличности указанныхъ условій, въ его исключительную вину: значительная доля отвѣтственности падаетъ на правительство. Рѣдкій изъ администраторовъ и судей отличался неподкупною честностью, и общество умѣло цѣнить подобныхъ людей».

Какъ видимъ, авторъ ограничивается лишь тѣмъ, что снимаетъ съ русскаго общества отвѣтственность за неправое веденіе дѣлъ въ судахъ и обвиняетъ въ томъ само правительство; фактическое же существованіе здѣсь прежнихъ безпорядковъ, неурядицы и злоупотребленій утверждается въ полной силѣ. Немудрено, что и въ самыхъ новѣйшихъ трудахъ, какъ напримѣръ, — въ «Исторіи русской литературы» академика А. Н. Пыпина, мы встрѣчаемъ тотъ же взглядъ почти безъ всякихъ ограниченій (Спб. 1899, т. IV). Перечисливъ основные вопросы журнальной сатиры второй половины XVIII-го в., — и въ томъ числѣ вопросъ о правосудіи, — почтенный ученый добавляетъ: «Трудно сказать, имѣла-ли какое-нибудь дѣйствіе эта сатира; можно думать, что имѣла немного, — самое распространеніе литературы было не велико; а главное, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ сатира или комедія не доводилась до конца: подобныя явленія несомнѣнно существовали, но писатель не объяснялъ, откуда происходитъ это зло и чѣмъ бы оно могло быть исправлено».

Такимъ образомъ въ теченіе почти цѣлаго полстолѣтія вопросъ объ активномъ вліяніи литературы на общественную жизнь русскаго народа нисколько не приблизился къ своему рѣшенію и до сихъ поръ въ сущности остается въ той же самой формулировкѣ, какая дана была ему еще Добролюбовымъ. Между тѣмъ существуетъ извѣстный рядъ историческихъ свидѣтельствъ, который доказываетъ, что убѣжденіе въ полномъ безсиліи обличительной литературы исправить жизнь русскаго общества слѣ-

дуетъ признать по меньшей мѣрѣ одностороннимъ. Записки современниковъ и другія данныя, напротивъ, приводятъ къ заключенію, что русская печать, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и по вопросу о правосудіи, оказала на тогдашнюю жизнь чрезвычайно благотворное вліяніе и замѣтнымъ образомъ улучшила положеніе вещей. Идеи передовыхъ нашихъ писателей второй половины XVIII-го в. успѣли глубоко проникнуть въ сознаніе и всего русскаго общества, и самого правительства; молодое поколѣніе, воспитанное на этихъ взглядахъ, внесло въ жизнь новую свѣжую струю; вдобавокъ и законодательная дѣятельность правительства рѣзко измѣняется къ концу 18-го столѣтія: если Екатерина II смотрѣла на крупныя общественныя злоупотребленія сквозь пальцы и даже сама покровительствовала имъ и скрывала ихъ, то императоръ Павелъ Петровичъ до такой степени ненавидѣлъ всякія безчестныя продѣлки администраціи и суда, что, по своей болѣзненной вспыльчивости, способенъ былъ на самыя крутыя мѣры. Но правленіе Павла I было еще только переходнымъ временемъ; со всею силою духъ новыхъ вѣяній сказался уже въ царствованіе императора Александра I, который въ числѣ главнѣйшихъ своихъ государственныхъ заботъ считалъ всегда и исправленіе правосудія. Впрочемъ теперь и само общество понимало дѣло иначе, чѣмъ прежде, а потому государю не стоило большого труда найти честныхъ судей и администраторовъ.

Останавливаясь подробнѣй на царствованіяхъ Екатерины II, Павла I и Александра I, мы, естественно, должны прежде всего считаться съ ихъ законодательной дѣятельностью; но этого еще недостаточно: по нашему мнѣнію, самыя правительственныя распоряженія стояли въ прямой зависимости отъ указаній современной и непосредственно предшествующей русской литературы, — другими словами, законодательство не само по себѣ исправляло нравы общества того времени, но лишь являлось главнымъ орудіемъ проведенія въ жизнь взглядовъ нашихъ лучшихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка.

Образъ мыслей и общій характеръ государственной дѣятельности императрицы Екатерины II извѣстны всѣмъ. Мы знаемъ, что главнымъ побужденіемъ для ея правительственныхъ предпріятій являлось личное честолюбіе, а вовсе не какія-нибудь соображенія, имѣвшія въ виду общественную и государственную пользу; если же нѣкоторыя мѣры ея и имѣли въ результатѣ самыя благотворныя послѣдствія для русскаго народа, то это опять-таки зависѣло не отъ стремленія принести дѣйствительную пользу имперіи, а единственно изъ желанія заставить не только Россію, но и всю Европу провозглашать о ней восторженныя похвалы. Вообще же говоря, всѣ громкія и пышныя начинанія Екатерины почти никогда не доводились до конца и такъ же быстро проваливались, какъ наскоро затѣвались. Неудивительно, что и по вопросу о правосудіи дѣятельность императрицы носитъ тотъ же характеръ поспѣшной и блестяще-мишурной внѣшности: въ дѣйствительности всѣ заботы ея въ этомъ смыслѣ принесли самые скромные результаты; ближайшее ознакомленіе съ историческими фактами даже приводитъ къ убѣжденію, что вся законодательная дѣятельность государыни по вопросу о правосудіи была въ большинствѣ случаевъ вынужденная. Пріученная мало-по-малу грубой лестью видѣть себя окруженной ореоломъ величія и славы и наконецъ дѣйствительно увѣровавшая, что всѣ стороны ея государственнаго управленія обстояли въ образцовомъ порядкѣ, Екатерина II съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣла на тѣхъ русскихъ писателей, которые указывали на очевидные общественные недостатки и язвы. Съ другой стороны съ подобными настойчивыми указаніями литературы нельзя было не считаться: какъ бы ни было, печать распространяла свои взгляды среди всего русскаго общества и тѣмъ самымъ должна была невольно внушать современникамъ сомнѣнія въ блаженномъ и счастливомъ состояніи государства. Вотъ почему Екатерина, хотя и съ неохотой, вынуждена была принять мѣры и къ улучшенію существовавшаго судопроизводства, чтобы успокоить общественное мнѣніе и еще лишній разъ доказать всѣмъ, что и

въ этомъ отношеніи ею сдѣлано все возможное и установленъ строгій порядокъ.

Для поясненія сказаннаго мы остановимся на слѣдующихъ фактахъ. Уже въ журналѣ 1769 г. — «Всякая Всячина» императрица враждебно высказалась противъ «Трутня» Новикова за помѣщавшіяся въ немъ статьи о взяточничествѣ подьячихъ. По ея мнѣнію, суды и судьи вовсе не такъ плохи, а во взяточничествѣ виноваты сами просители, такъ какъ они соблазняютъ своими подарками представителей правосудія. «Подлежитъ еще и то вопросу: если бы менѣе было около нихъ искусителей, не умалилась ли бы тогда и на нихъ жалоба» (стр. 159—160), писала она. Въ другомъ случаѣ «Всячина» рѣзко высказывала негодованіе противъ «дурныхъ шмелей», которые надоѣли ей разсказами «о *мнимомъ* неправосудіи судебныхъ мѣстъ» (листъ 108, стр. 276 — 280). Желаніе государыни увѣрить себя и другихъ въ томъ, что судопроизводство въ ея царствованіе вовсе не страдало безчестной продажностью, сказывается и гораздо позже. Такъ, на страницахъ «Собесѣдника любителей россійскаго слова», выходившаго въ 1783 г., въ своихъ знаменитыхъ «Быляхъ и Небылицахъ» Екатерина издѣвалась надъ тѣми, кто жалуется на судей. По ея мысли, подобныя сѣтованія до смѣшного устарѣли, и ихъ можно услышать лишь отъ лицъ, живущихъ старинными воспоминаніями, которые даже потеряли способность замѣчать, что все прежнее давно перемѣнилось: другъ прародителя автора Небылицъ «понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ ни гдѣ нѣтъ», писала императрица (Сочиненія. Изд. Смирдина. 1849, т. III, стр. 49). На совѣтъ Фонъ-Визина написать ѣдкую сатиру на судей лихоимцевъ, Екатерина отвѣчала въ томъ же Собесѣдникѣ съ высокомѣрнымъ раздраженіемъ: «Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и Грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!» (ibid., III, 57).

При такомъ образѣ мыслей императрицы мы въ правѣ думать, что съ ея стороны не встрѣтимъ никакихъ законодатель-

ныхъ мѣръ къ исправленію правосудія, потому что въ противномъ случаѣ она сама неизбѣжно стала бы въ противорѣчіе съ собственными же печатными заявленіями, которыя читала вся Россія; съ другой стороны, это значило бы дать поводъ литературнымъ противникамъ торжествовать побѣду и хвастаться, что они вынудили ее позаботиться объ исправленіи правосудія. Государыня именно такъ и понимала дѣло и потому, увидѣвъ, что зашла далеко въ полемикѣ, на первыхъ порахъ дѣйствовала лишь секретными предписаніями противъ судей и только уже потомъ, какъ будто по собственной иниціативѣ, обращалась къ офиціальнымъ распоряженіямъ. Но даже и въ это время ей были непріятны всякія разоблаченія, касавшіяся общественныхъ злоупотребленій, что заставляло её прибѣгать иногда къ мѣрамъ, не совсѣмъ справедливымъ. Державинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій случай: частнымъ образомъ Екатерина узнала о всевозможныхъ безчинствахъ въ псковской казенной палатѣ; Державинъ назначенъ былъ произвести слѣдствіе, по которому дѣйствительно обнаружились здѣсь большія злоупотребленія; освѣдомившись предварительно о ходѣ дѣла, императрица призвала своего статсъ-секретаря Турчанинова и черезъ него «приказала увѣдомить о дошедшемъ до нея слухѣ Ивана Ивановича Кушелева, свояка тамошняго вице-губернатора, Брылкина, который былъ женатъ на родной сестрѣ покойнаго бывшаго ея фаворита, Александра Дмитріевича Ланского, дабы онъ послалъ къ Брылкину нарочнаго и остерегъ его, чтобъ онъ взялъ свои мѣры, когда генералъ-губернаторъ прикажетъ о томъ слѣдовать». Послѣ этого Державину трудно уже было раскрывать злоупотребленія; Екатерина же, пригласивъ его къ себѣ, «ему же голову вымыла, что онъ такіе до нея доводитъ слухи и тѣмъ ее безпокоитъ» (Записки, стр. 339 сл.). Въ другомъ случаѣ тотъ же Державинъ высказываетъ предположеніе, что, назначая его на разныя доходныя мѣста, императрица хотѣла тѣмъ самымъ вознаградить его за труды и дать средства нажиться незаконными поборами.

При такихъ условіяхъ всякія мѣры Екатерины къ исправленію правосудія, очевидно, могли быть только вынужденными и притомъ вынужденными именно современной литературой, которая, не обращая вниманія на удовольствіе или неудовольствіе государыни, энергически и настойчиво продолжала обличать взяточничество и крючкотворство судей. Запретить писателямъ говорить объ этомъ было немыслимо: до такой степени эта общественная язва была у всѣхъ предъ глазами; безсиліе императрицы въ данномъ случаѣ ярко сказывается уже изъ того, что даже въ ея же собственномъ журналѣ, — во «Всякой Всячинѣ», продолжали появляться ѣдкія сатирическія статьи, направленныя противъ лихоимства подьячихъ, хотя сама же Екатерина, какъ мы видѣли, на первыхъ порахъ рѣзко обнаружила здѣсь свое раздраженіе и неудовольствіе на подобныя обличенія въ другихъ тогдашнихъ журналахъ. Впрочемъ мысль о зависимости законодательной дѣятельности императрицы Екатерины по вопросу о правосудіи отъ указаній современной литературы находитъ для себя и фактическія подтвержденія. Извѣстно, что когда комиссіи депутатовъ, собранныхъ для составленія проекта новаго уложенія, былъ предложенъ вопросъ объ отмѣнѣ пытки въ судахъ, комиссія отвергла подобное предложеніе государыни. Но рѣшенный такимъ образомъ вопросъ не могъ удовлетворить лучшихъ людей того времени: на страницахъ издававшагося Н. И. Новиковымъ журнала «Трутень» (въ 1769 — 1770 гг.), именно на XIII листѣ, появилась обширная статья, излагавшая исторію съ золотыми часами. Здѣсь разсказывалось, что у одного судьи молодой повѣса племянникъ, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ, укралъ со стола золотые часы; судья, не подозрѣвая родственника, обвинилъ въ воровствѣ одного изъ просителей, находившихся въ комнатѣ; дѣлу былъ данъ надлежащій ходъ, — пошли допросы и дознанія, сопровождавшіеся возмутительными истязаніями и пытками, и бѣдный проситель, претерпѣвая адскія муки, совершенно безвинно долженъ былъ вслѣдствіе того долгое время томиться въ тюрьмѣ, пока наконецъ не выяснилось, что

настоящимъ похитителемъ золотыхъ часовъ судьи былъ его же собственный племянникъ («Трутень», изд. Ефремова, стр. 79 сл.). Такъ говорилъ Новиковъ въ своемъ журналѣ въ первую половину 1769 года. И вотъ, въ собственноручной запискѣ Екатерины II на докладъ архангельскаго губернатора, — въ запискѣ, составленной не ранѣе 12 ноября 1769 г., мы читаемъ между прочимъ: «Не полезно ли бъ было всѣмъ судебнымъ мѣстамъ хотя *секретно* приказать весьма осторожно и осмотрительно съ кнутомъ обходиться; есть многія наказанія чувствительнѣе кнута, а для малыхъ преступленій можно и родъ наказанія уменьшить» (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 42, стр. 444). И это тотчасъ послѣ того, какъ сама же императрица на страницахъ «Всякой Всячины» доказывала, что русское правосудіе не слѣдуетъ ни въ чемъ обвинять!

Въ другой собственноручной запискѣ Екатерины II о томъ, какъ помогать народу въ годину бѣдствій и о смягченіи строгости наказаній, говорилось: «*Не дѣлая пытки изъ заключенія и изъ предварительнаго суда, въ особенности для преступленій, не имѣющихъ вѣскихъ доказательствъ*; требуя, чтобъ всякій приговоръ былъ основанъ на законныхъ и точныхъ доказательствахъ; довѣряя судъ надъ преступниками такимъ судьямъ, которыхъ честность, мудрость и безкорыстіе были бы всѣми признаны» (ib. т. 42, стр. 457). Предъ нами, такимъ образомъ, замѣчательно точное и вѣрное воспроизведеніе не только основныхъ мыслей, но, если угодно, и самаго содержанія Новиковской статьи въ «Трутнѣ». Приведенныя мысли Екатерины II, сказавшіяся первоначально лишь въ секретныхъ предписаніяхъ, получили со временемъ значеніе и офиціальныхъ законодательныхъ распоряженій: въ 1778 г. послѣдовалъ правительственный указъ, предписывавшій вообще соблюдать осторожность при тѣлесныхъ наказаніяхъ (Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи, т. XX, № 14739), а въ 1782 г. такимъ же указомъ тѣлесныя наказанія были совершенно отмѣнены при судахъ (ib. т. XXI, № 15313); въ 1778 г. императрица запретила и

пристрастные допросы, но пока лишь въ военныхъ судахъ (ib. XX, № 14890).

Въ самомъ началѣ того же «Трутня», издававшагося Новиковымъ въ 1769—70 гг., помѣщено было сообщеніе въ «Вѣдомостяхъ» изъ нѣкотораго приказа: «Явилось порожнее мѣсто, которое въ годъ двѣ тысячи рублевъ безгрѣшнаго приноситъ дохода. Надобно знать, что сіе мѣсто требуетъ человѣка разумнаго, ученаго и прилѣжнаго; ибо отъ него блаженство и жизнь великаго числа людей зависитъ». Изъ троихъ претендентовъ на эту должность — «первой... дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія». «Все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ». Второй — также дворянинъ, но безъ сильныхъ связей, «поведенія добраго, разума хотя не пылкаго, однако наукою подкрѣпленнаго. *Служитъ въ полкахъ*, и хотя отмѣннаго ничего не сдѣлалъ, но по крайней мѣрѣ исполняетъ свою должность съ прилѣжностью». Онъ «крестьянъ своихъ не грабитъ... купцовъ по примѣру другихъ дворянъ не обманываетъ». «Третей проситель мѣста, по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ». Это — человѣкъ высокаго образованія и непоколебимой честности, свято исполнявшій свой долгъ во всѣхъ родахъ правительственной службы. Онъ не сталъ бы просить и этого мѣста, «ежели бы здоровье его позволяло долѣе *служить въ арміи*, или ежели бы онъ не былъ въ состояніи подвластныхъ сему мѣсту учинить благополучными, и возстановить ихъ отъ раззоренія, въ которое приведены были бывшимъ судьею... Читатель! угадай: глупость ли подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелію наградятся?» заключаетъ свою статью авторъ («Трутень», изд. Ефр., Спб. 1865, стр. 25—28).

Такимъ образомъ, оба честные просители на воеводское мѣсто—люди военные, служившіе въ полкахъ, но теперь вышедшіе въ отставку; по мысли Новикова, именно эти лица, служившія

въ арміи, и способны болѣе другихъ къ занятію отвѣтственныхъ административныхъ постовъ (воеводъ смѣнили потомъ намѣстники губерній); мало того, — подобные честные правители способны своимъ вліяніемъ улучшить и самое судопроизводство. Любопытно сравнить теперь съ этими словами русскаго писателя то, что предлагалъ Екатеринѣ II въ 1775 г. въ своемъ проектѣ о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ князь М. Н. Волконскій: «Губернаторовъ выбрать *изъ служащаго въ арміи генералитета и изъ отставныхъ* къ тому дѣлу способныхъ людей *честныхъ, разумныхъ*, опредѣля имъ не только жалованья по ихъ чинамъ, но и довольное число столовыхъ денегъ» (Сб. И. Р. И. Об., т. 5, стр. 125). Подобные губернаторы должны смотрѣть, по словамъ Волконскаго, «чтобъ теченіе дѣлъ было безъ медленности и никому утесненіе и волокиты въ дѣлахъ не было, а всіо бъ по законамъ съ поряткомъ исполнялось» (ib. стр. 126).

Какъ видимъ, споспѣшники Екатерины въ дѣлахъ внутренняго управленія государствомъ цѣликомъ, даже въ ничтожныхъ мелочахъ, руководились указаніями сатирическихъ журналовъ. Любопытно отмѣтить, что подобныя мысли Волконскаго, воспроизводившія взгляды Новикова, дѣйствительно осуществлялись въ русской жизни. «Иванъ Александровичъ С., — говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигель,—открывалъ Пензенскую губернію, былъ первымъ въ ней губернаторомъ... *Находившись долго въ военной службѣ*, онъ былъ изъ числа строгихъ, точныхъ исполнителей даваемыхъ имъ предписаній, которые бываютъ полезны тамъ, гдѣ умствованія могли бы только запутывать дѣла. Какъ онъ былъ нрава серіознаго и *весь исполненъ чести, доброты и справедливости*... то, волею или неволею, всѣ почтительно ему повиновались» (Воспом., Москва 1864, часть II, стр. 82).

«Глупость же, подкрѣпляемая родствомъ» съ большими боярами, по мысли Новикова, способна лишь доводить подвластныхъ воеводскому «мѣсту» до разоренія, потворствуя между прочимъ и судейскимъ злоупотребленіямъ. И вотъ, въ собственноручномъ

наставленіи Екатерины II отъѣзжающему *для секретныхъ наблюденій за воеводами* уполномоченному мы читаемъ: «Дорогой ѣхавши навѣдываться въ каждомъ городѣ и по дорогѣ *о поведеніи воеводъ и прочихъ начальниковъ*». (Сб. И. Р. И. Об. т. 42, стр. 440). Предъ нами все еще пока секретныя предписанія: дѣйствовать иначе было нельзя, такъ какъ императрица публично сама брала судей на страницахъ Всякой Всячины въ 1769 г. подъ свое покровительство; обрушиться на нихъ сейчасъ же строгими указами—значило бы сознаться въ поспѣшности и необдуманности своихъ сужденій и дать лишній поводъ торжествовать литературнымъ противникамъ. Но эти секретныя мысли, мы увидимъ, опять-таки нашли для себя впослѣдствіи выраженіе въ офиціальныхъ законодательныхъ актахъ.

Впрочемъ намъ нѣтъ особенной нужды настаивать на текстуальныхъ совпаденіяхъ тѣхъ или другихъ правительственныхъ распоряженій Екатерины II съ соотвѣтствующими мѣстами изъ сатирическихъ журналовъ и вообще литературныхъ произведеній; важно только установить, что императрица *вынуждена была русскими писателями вообще принять мѣры къ улучшенію тогдашняго судопроизводства;* важно доказать, что она принуждена была отказаться отъ прежняго благосклоннаго и равнодушнаго отношенія къ лихоимству судей и проволочкамъ въ дѣлопроизводствѣ, а въ какихъ формахъ могло выразиться ея желаніе улучшить судопроизводство, — это, въ сущности, не имѣетъ особеннаго значенія. Глубокую общественную важность пріобрѣтаетъ лишь самый руководящій принципъ, основная точка зрѣнія, такъ сказать, общій духъ и направленіе законодательной ея дѣятельности, а вовсе не самые способы практическаго осуществленія, которые по необходимости должны были до безконечности видоизмѣняться въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей, на которыхъ возлагалось подобное осуществленіе правительственныхъ распоряженій, и т. д. Да и сами русскіе писатели далеко не мечтали заставить государственную власть съ буквальной точностью

осуществлять въ жизни то, что они стали бы ей диктовать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Что первоначальные взгляды Екатерины II на правосудіе подъ вліяніемъ журнальной сатиры совершенно измѣнились, — это легко доказать длиннымъ рядомъ историческихъ фактовъ. Выходка Всякой Всячины въ 1769 г. въ защиту взяточниковъ судей (стр. 159—160) вызвала энергическій отпоръ со стороны другихъ современныхъ журналовъ. «Смѣсь» помѣстила у себя письмо, въ которомъ издѣвалась надъ «прабабушкой» русскихъ сатирическихъ изданій: послѣдняя «совѣтуетъ, чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно; всякой сіе знаетъ, и конечно по-пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, если бъ всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ и приказовъ, и подьячимъ бы не шло государево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей защищать подьячихъ? Стыдно будетъ вамъ, господинъ издатель,—продолжаетъ авторъ письма къ редактору журнала,—имѣть такую родню: пожалуйте, откажитесь отъ бабушки, которая нынѣ сказываетъ простыя сказки, и тѣмъ изображаетъ слабость своего разума; ибо болѣе того не вѣдаетъ, что слыхала встарину» («Смѣсь», листъ 11, стр. 58 сл.).

Издававшаяся Эминымъ «Адская Почта» (1769 г.) также вмѣшалась въ полемику. Хромоногій Бѣсъ разсказывалъ на страницахъ этого журнала: «На сихъ дняхъ былъ я въ домѣ Т..., гдѣ случилось два спорщика. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страждутъ отъ неправосудія, а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много есть такихъ, какъ здѣсь судей, и что больше виноваты истцы, нежели судьи... Одинъ изъ нихъ винилъ не то, что надобно, а другой извинялъ судей напрасно, и видно, что онъ отъ нихъ никакихъ бѣдъ надъ собою не испыталъ..... Не говорю, чтобъ здѣсь только несправедливые были судьи; вездѣ ихъ множество, но то заподлинно утверждаю, что такихъ судей, кото-

рые справедливости предпочитаютъ корыстолюбіе, извинять не должно, но потребно всячески стараться привести ихъ къ познанію истины, ежели можно. Весьма маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели кто скажетъ, что во всемъ свѣтѣ есть несправедливые судьи, слѣдовательно и наши извиненія достойны. Поэтому ежели вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не должно? Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подумать, чтобы отъ злого состава часто добрый не заражался. Слѣдовательно, должно отрѣзывать отъ тѣла злой составъ, чтобы сохранить добрый. Не могу также винить и истца обиженнаго, разореннаго и въ горести погибающаго, если онъ ищетъ справедливости, и не сыскавъ, на оную жалуется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хватиться рукою, гдѣ крѣпко болитъ.... Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте незлобивы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и разореннымъ единственно для того, чтобъ итти въ судъ. Весьма было бы хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребывалъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло, и много въ немъ есть обидчиковъ, то что осталось дѣлать обиженнымъ, когда нѣкоторые нравоучители имъ не велятъ жалобами своими безпокоить судей и искать справедливости?» («Адская Почта», письмо 60, стр. 238 сл.).

«Трутень» Новикова также высказался насмѣшливо противъ мысли Екатерины, будто судей соблазняютъ взятками сами просители. «Судья нѣкоторова приказа, — говорилось здѣсь между прочимъ, — покривилъ вѣсы правосудія: онъ въ томъ не виноватъ; а виноватъ подрядчикъ, которой на судейскую сторону такъ много положилъ кулей съ мукою, что правосудіе противъ такой тягости устоять не могло; желающіе тѣ вѣсы починкою исправить изъ своихъ матеріаловъ, могутъ явиться въ томъ приказѣ» («Трут.», изд. Ефр., стр. 57).

Въ такомъ же смыслѣ высказались и нѣкоторые другіе современные журналы. Разумѣется, Екатерина II не могла быть особенно довольна подобнымъ отношеніемъ къ ея словамъ со стороны русскихъ писателей: «Адская Почта» Эмина была закрыта, а въ 1770 г. остановленъ и «Трутень». Больше всего, повидимому, императрица прислушивалась къ голосу Н. И. Новикова, котораго она всегда считала «умнымъ и опаснымъ человѣкомъ» (Храповицкій, Дневникъ, Спб. 1874, стр. 430). Къ издателю «Трутня» Екатерина писала: «Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылися — мы небось съ перваго листа узнали, куда цѣлите» (Незеленовъ, Ник. Ив. Новиковъ, Спб. 1875, стр. 169 — 170). Отзвуки этого раздраженія сказываются и позже. Извѣстно, что Екатерина была недовольна «Трутнемъ» за слишкомъ язвительный тонъ его сатиры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда здѣсь описывалось взяточничество судей; и вотъ, въ самомъ концѣ комедіи «О время», составленной въ 1772 г., императрица позволила себѣ слѣдующую выходку, въ которой обнаружилось ея раздраженіе противъ русской сатиры и, конечно, главнымъ образомъ, сатиры Новикова: «Вотъ какъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ — и бревна не видимъ» (Сочин., изд. Смирд., т. II, стр. 57). Издатель «Трутня» прекрасно понималъ значеніе этихъ словъ и потому, во избѣжаніе осложненій на будущее время, посвятилъ свой новый сатирическій журналъ «Живописецъ», выходившій въ 1772 г., автору комедіи «О время» и

напечаталъ по этому поводу очень льстивое письмо Екатеринѣ. Что Новиковымъ руководило единственно желаніе избавить свой новый журналъ отъ притѣсненій со стороны императрицы, а вовсе не искреннее уваженіе къ Екатеринѣ, — это давно уже было извѣстно въ нашихъ литературныхъ кругахъ. Много позже одинъ изъ русскихъ писателей XIX-го вѣка, разсуждая о Гоголѣ, говорилъ: «Быть можетъ, не всѣ рѣчи и возгласы о правительствѣ, вложенныя Гоголемъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, отличаются одинаковой искренностью; быть можетъ, иныя похвалы явились съ тою же цѣлью, съ какою, напр., Новиковъ посвятилъ свой обличительный журналъ автору комедіи: «О время!» (Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи, т. II, стр. 340—41). Вотъ почему мы не можемъ принять мнѣнія, будто посвященіе «Живописца» автору комедіи «О время» было выраженіемъ искренняго преклоненія предъ Екатериной со стороны Новикова (Пыпинъ, Ист. рус. литературы, Спб. 1899, т. IV, стр. 30).

Между тѣмъ императрица была чрезвычайно польщена подобнымъ посвященіемъ, какъ то видно изъ ея отвѣта Новикову въ томъ же его журналѣ, и дѣйствительно установила послѣ этого очень дружескія отношенія съ бывшимъ издателемъ «Трутня»: Новиковъ подноситъ ей экземпляры своихъ журналовъ и пользуется, манускриптами для Россійской Вивліоѳики изъ собственнаго книгохранилища императрицы. Для насъ однако такая дружба важна единственно потому, что она заставляла Екатерину прислушиваться теперь къ настойчивымъ обличеніямъ судей, какія помѣщались въ Живописцѣ, уже не съ прежнимъ враждебнымъ предубѣжденіемъ, а съ спокойною разсудительностью: это былъ голосъ не литературнаго противника, а, такъ сказать, единомысленника. Императрица принимала теперь указанія Новиковскаго журнала на судебные безпорядки не съ упрямымъ желаніемъ настоять на своемъ мнѣніи, какъ было въ 1769 г.,— хотя и тогда, мы знаемъ, она принимала негласныя мѣры къ обузданію судей и чиновниковъ,—но съ благосклоннымъ вниманіемъ. Дѣйствительно, въ томъ же 1772 г. мы видимъ уже, что

Екатерина публично отказывается отъ прежней защиты судебныхъ безобразій и сознается, что на судебные порядки необходимо обратить серьезное вниманіе. Въ комедіи «Имянины госпожи Ворчалкиной», сочиненной въ Ярославлѣ, а представленной въ первый разъ въ 1772 г., императрица выводитъ Некопейкова, который придумалъ, «какъ поправить судебныя мѣста и господъ судей», на что Дремовъ отвѣчаетъ, «что иногда *одна строка въ проектѣ* много добраго сдѣлать можетъ... а это, чтобъ поправить судей, мнѣ кажется, и не дурно» (Сочин., т. II, 204). Мы не хотимъ сказать, что мысли эти явились у Екатерины подъ прямымъ вліяніемъ «Живописца», такъ какъ разсматриваемая комедія сочинена въ 1771 г.; «Живописецъ» Новикова лишь поддержалъ въ императрицѣ подобное намѣреніе заняться судебнымъ вопросомъ; самое же сознаніе въ судебныхъ безчинствахъ конечно возникло еще послѣ журнальной полемики въ 1769 г. Очевидно сатирическія изданія, издѣвавшіяся надъ исповѣдью Екатерины по вопросу о русскомъ правосудіи, подѣйствовали на нее отрезвляющимъ образомъ, если мы наблюдаемъ теперь такой быстрый переломъ ея недавнихъ убѣжденій. Задавшись цѣлью принять серьезныя мѣры къ исправленію правосудія, Екатерина II дѣйствительно занялась судебнымъ вопросомъ со всѣмъ усердіемъ. «Защищать невинность, писала императрица 26 апрѣля 1774 г. къ Еропкину, и искоренять обманъ и неправду Мы всегда за первый себѣ долгъ предъ Богомъ и предъ людьми почитаемъ» (Соч., III, 326).

Намъ уже извѣстно, что въ 1775 г. кн. Волконскій представилъ Екатеринѣ проектъ объ исправленіи судебныхъ присутственныхъ мѣстъ,—проектъ, очевидно составленный по порученію государыни. Въ томъ же 1775 г. былъ сдѣланъ замѣчательный шагъ къ искорененію лихоимства и волокиты судей: для избавленія челобитчиковъ отъ разнаго рода формальностей и канцелярскаго крючкотворства учрежденъ былъ знаменитый Совѣстный Судъ, въ которомъ судья долженъ былъ вершить дѣла, «придерживаясь болѣе совѣсти, нежели закона», по сви-

дѣтельству современника (Русскій Архивъ, 1877, кн. I, стр. 101). Государыня была буквально очарована своею счастливой мыслью учредить совѣстные суды. Державинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ о процессѣ купца Коробейникова съ купцомъ Роговиковымъ; въ пользу послѣдняго московскій совѣстный судъ безъ всякихъ основаній отнялъ у Коробейникова домъ и отдалъ Роговикову; обиженный обратился къ фавориту государыни—Зубову и апеллировалъ на имя Екатерины; недоброжелатели однако представили императрицѣ дѣло въ такомъ видѣ, что, защищая Коробейникова, она должна стать въ противорѣчіе съ рѣшеніемъ совѣстнаго суда: этого было довольно, чтобъ апелляція осталась безъ послѣдствій. Въ собственноручной запискѣ Екатерины о совѣстномъ судѣ въ войскѣ Донскомъ, относящейся къ концу 1775 г., читаемъ: «совѣстный судъ есть камень претыканія для всѣхъ судебныхъ мѣстъ и могила ябеды» (Сб. И. Р. И. Об., т. 27, стр. 63). 20 сентября 1777 г. императрица писала Вольтеру: «Наше законодательное зданіе мало по малу воздвигается... Двухлѣтній опытъ показалъ, что совѣстные суды... способствуютъ искорененію ябедничества» (ib., т. 27, стр. 136). Даже въ знаменитыхъ Быляхъ и Небылицахъ, помѣщавшихся въ 1783 г. на страницахъ Собесѣдника любителей россійскаго слова, Екатерина не могла удержаться отъ искушенія похвалить себя за учрежденіе совѣстныхъ судовъ. Дѣдушка, отъ лица котораго ведется разсказъ, весьма радуется, «что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ» (Соч., III, 12); старичокъ этотъ, по словамъ императрицы, самъ «посредствомъ Совѣстнаго Суда въ семи намѣстничествахъ помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе тридцати» (ib., стр. 13).

Въ приложеніи къ запискѣ объ учрежденіяхъ, составленной Екатериной не ранѣе 21 мая 1779 г., государыня уже офиціально признаетъ существованіе судебныхъ неурядицъ и злоупотребленій: для прекращенія «медленности, упущенія и волокиты», «поводовъ къ страстному производству», «своевольства и ябеды»,

«наипаче же ради заведенія лучшаго порядка и для безпрепятственнаго теченія правосудія, заблагоразсудили мы издать нынѣ учрежденіе для управленія губерній», говорила она въ приложеніи къ запискѣ объ учрежденіяхъ (Сб. И. Р. И. Об., т. 27, стр. 177). Вообще отношеніе Екатерины къ вопросу о правосудіи и проволочкамъ въ дѣлопроизводствѣ теперь рѣзко измѣняется. Рядъ правительственныхъ указовъ свидѣтельствуетъ, что работы объ искорененіи судебныхъ злоупотребленій и своеволія чиновниковъ составляли одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ея законодательной дѣятельности. Такъ въ 1778 г. послѣдовалъ строгій указъ о порокахъ секретарей Межевой канцеляріи, позволявшихъ себѣ несправедливости и взяточничество (Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XX, № 14806); противъ злоупотребленій землемѣровъ направлены были нѣкоторые указы и въ 1779 г. (ib. т. XX, №№ 14843, 14952 и др.). Въ 1779-мъ же году учрежденъ былъ и крестьянскій судъ, чтобы избавить поселянъ отъ канцелярскаго произвола и лихоимства (ib. № 14926). Въ 1784 г. былъ изданъ указъ, въ которомъ содержалось приказаніе, чтобы высшее начальство строго наблюдало за дѣлопроизводствомъ въ присутственныхъ мѣстахъ и требовало рѣшенія дѣлъ по законамъ, во избѣжаніе злоупотребленій (ib. т. XXII, № 15926). Въ томъ же году изданъ приказъ о тщательномъ наблюденіи за приставами, позволявшими себѣ злоупотребленія властью и взяточничество (ib. № 16010); также приняты были мѣры къ скорѣйшему производству дѣлъ въ канцеляріяхъ (ib. №№ 16074, 16091). Противъ злоупотребленій при дѣлопроизводствѣ со стороны разнаго рода правительственныхъ чиновниковъ послѣдовалъ указъ и въ 1786 г. (ib. т. XXII, № 16456). Если кн. М. М. Щербатовъ жаловался на всеобщій безпорядокъ въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ и даже самаго сената и охулялъ правительство за наполненіе ихъ «незнающими и мало совѣсти имѣющими людьми», за малое трудолюбіе служащихъ чиновниковъ, «такъ что можно сказать о всѣхъ присутствующихъ въ нихъ судьяхъ, что болѣе для пого-

ворки, нежель для дѣла въ присутственныя мѣста ѣздятъ, да и то пріѣзжаютъ поздно, а выѣзжаютъ рано», и что «нигдѣ, окромѣ канцеляріи генералъ-прокурора (т. е. въ правительствующемъ сенатѣ), нѣтъ порядочно собранныхъ законовъ, и нѣкоимъ образомъ ихъ въ тайнѣ содержатъ» (Сочиненія кн. М. М. Щербатова. Спб. 1896, т. II, стр. 251 сл.),—то какъ бы въ отвѣтъ на подобное заявленіе авторитетнаго писателя послѣдовалъ въ 1788 г. правительственный указъ, которымъ строго предписывалось принять всѣ мѣры къ улучшенію дѣлопроизводства какъ вообще въ канцеляріяхъ, такъ особенно и въ самомъ сенатѣ (П. С. З., т. XXII, № 16642). Впослѣдствіи, приблизительно въ 1791 г., въ указѣ Сенату въ Московскіе департаменты императрица писала: «Намъ учинилось извѣстно, что въ Москвѣ во многихъ правительствахъ дѣла не идутъ съ такимъ успѣхомъ, какъ бы то намъ желалося; ибо истцы и отвѣтчики не получаютъ такъ скоро удовольствія, какъ то законами предписано, и наше на то непремѣнное соизволеніе есть. Того для симъ нашему Сенату снова предписывается недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ правосудіе и правда безъ препятствія и непрерывно свое теченіе во всѣхъ правительствахъ имѣли»; нерадивыхъ же слѣдуетъ наказывать (Сб. И. Р. И. Общ., т. 42, стр. 460—61). Впрочемъ теперь и само общество начинаетъ вооружаться противъ наглыхъ судейскихъ безчинствъ. 1 октября 1789 г. въ засѣданіи членовъ Государственнаго Совѣта разсматривалось прошеніе на высочайшее имя отъ Якутскаго князца Борогонскаго улуса головы Алексѣя Аржакова, въ которомъ содержалась просьба: «для правосудія и пресѣченія проволочки обиднымъ въ тяжбахъ... повелѣть составлять судъ особый подъ названіемъ совѣстнаго якутскаго суда» (Архивъ Гос. Сов., т. I, часть II, стр. 257—58).

Всматриваясь ближе въ современное судопроизводство, Екатерина, дѣйствительно, не могла не замѣчать здѣсь чудовищныхъ безпорядковъ: въ 1793 г. императрица въ офиціальномъ указѣ публично выразила свое удивленіе странной способности судей

доводить рвеніе къ канцелярскому формализму до размѣровъ, прямо колоссальныхъ: изъ иркутскаго суда поступило въ сенатъ дѣло, излагавшееся болѣе, чѣмъ на 1000 листахъ! Этотъ случай даетъ поводъ государынѣ еще лишній разъ повторить настойчивое приказаніе, чтобъ присутственныя мѣста по судебнымъ дѣламъ старались всячески обуздывать свои канцелярскія поползновенія (П. С. Зак., т. XXIII, № 17166). Въ 1794 г. Екатерина рѣзко высказалась въ оф. указѣ противъ злоупотребленій властью и взяточничества со стороны полицейскихъ властей (ib. т. XXIII, № 17240). Въ 1795 г. послѣдовали правительственные указы, которыми предписывалось произвести тщательную ревизію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, особенно судебныхъ учрежденій, и слѣдить, чтобы дѣла вершились по законамъ; ревизорамъ поставлялось при этомъ въ главную обязанность слѣдить, не было ли гдѣ лишнихъ поборовъ съ крестьянъ (ib. т. XXIII, №№ 17414, 17416). Наконецъ, въ 1796 г. послѣдовало высочайшее распоряженіе, направленное противъ взяточничества, такъ какъ взятки съ крестьянъ, оказывается, брали даже выборные отъ самихъ же крестьянъ, «сверхъ чиновниковъ, въ коронной службѣ состоящихъ» (ib. т. XXIII, № 17444). До какой степени подъ конецъ царствованія Екатерина II интересовалась вопросомъ объ улучшеніи русскаго правосудія, можно видѣть изъ записокъ Грибовскаго. Упомянувъ объ арестѣ Новикова, онъ отмѣчаетъ далѣе: «Истребованіе сочиненія о канцелярскомъ порядкѣ отъ Завадовскаго»; тотчасъ за тѣмъ читаемъ: «Охраненіе подсудимаго достаточно обезпечено. Объ указѣ и формѣ суда» (Записки, Москва 1864, стр. 98—99). Особенно же занималъ императрицу, повидимому, вопросъ о средствахъ упорядочить сенатъ, какъ высшую судебную инстанцію; по крайней мѣрѣ въ 1802 г. гр. Воронцовъ указывалъ членамъ Государственнаго Совѣта, какъ на общеизвѣстный фактъ, на проектъ Екатерины II о сенатѣ, «коимъ Ея Величество занималась послѣдніе годы ея царствованія» (Архивъ Г. Сов., т. III, часть I, стр. 44). Только что приведенныя свидѣтельства о сенатѣ пока-

зываютъ, что государыня задумывала провести въ концѣ концовъ судебную реформу сверху до низу, а не ограничиваться лишь низшими инстанціями, какъ она поступала почти въ теченіе всего своего царствованія; но ея намѣренію суждено было осуществиться только при имп. Павлѣ Петровичѣ.

Съ другой стороны, взяточничество вовсе не было слѣдствіемъ одной безнравственности чиновниковъ и судей, но вызывалось и самыми условіями существованія канцелярскихъ служащихъ и приказныхъ людей: крайней скудостью ихъ матеріальнаго обезпеченія. Это обстоятельство не могло конечно не обращать на себя вниманіе писателей. Князь М. М. Щербатовъ въ своемъ, еще неизданномъ до сихъ поръ, письмѣ съ вопросными пунктами къ Собесѣднику Любителей Россійскаго Слова говорилъ отъ лица выведеннаго здѣсь пензенскаго дворянина, что онъ обратился для переписки письма и исправленій въ слогѣ къ подьячему, и заплатилъ за то три рубля: *подьячій не можетъ взять меньше, потому что долженъ кормить семью и платить за квартиру, тогда какъ жалованья отъ правительства получаетъ сто рублей въ годъ* (Вѣстникъ Славянства, 1891, кн. VI; статья Дубицкаго: Неиздан. соч. кн. М. М. Щербатова, стр. 34—35). Фонъ-Визинъ писалъ въ 1788 г. «Разговорѣ у кн. Халдиной», отвѣчая на вопросъ, можно ли «пресѣчь взятки»: «Мудрено, сударь; ибо сверхъ того, что, кажется, сама природа одарила всякаго судью взятколюбивою душею, многіе изъ нихъ *съ честными правилами* принуждены брать взятки. Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 руб. Скажите мнѣ ради Бога, какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бы и не хотѣлъ, неволею долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ» (Сочин., изд. Ефр. Спб. 1866, стр. 255). Крыловъ въ своемъ журналѣ «Почта

Духовъ», издававшемся въ 1789 г., также обращалъ вниманіе общества на матеріальную необезпеченность канцелярскихъ чиновниковъ. «У насъ иногда, говорилъ онъ, секретарей морятъ съ голоду, по крайней мѣрѣ принимаютъ ихъ съ хорошими обѣщаніями» (Полн. собр. сочин. Спб. 1859, т. I, стр. 6).

Обращаясь теперь къ законодательной дѣятельности Екатерины II, мы замѣчаемъ, что императрица дѣйствительно приняла послѣ такихъ указаній литературы соотвѣтствующія мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія чиновниковъ; при этомъ особенно замѣчательно, что первыя ея распоряженія (послѣ штатовъ 1775 года) объ увеличеніи денежныхъ окладовъ правительственныхъ чиновниковъ относятся какъ разъ къ 1783-му году, т. е. къ тому времени, къ которому относится и письмо кн. Щербатова къ Собесѣднику любит. россійс. слова. Такъ въ этомъ году императрицей изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось, для побужденія къ лучшему дѣлопроизводству, увеличить содержаніе и оклады жалованья для всѣхъ служащихъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ (П. Соб. Зак., т. XXI, № 15651); въ томъ же году послѣдовало распоряженіе отпускать впредь изъ Экономіи Государственныхъ расходовъ по 3, 500 руб. для прибавки жалованья правительственнымъ чиновникамъ (ib. т. XXI, № 15742; также № 15804). Въ 1784 г. было прибавлено жалованье таможеннымъ чиновникамъ (ib. т. XXII, № 16106), подобно тому, какъ въ предшествующемъ году изданъ былъ указъ объ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства суммъ для увеличенія содержанія почтовымъ служащимъ (ib. т. XXI, № 15851). Въ 1785 г. правительственнымъ распоряженіемъ былъ увеличенъ отпускъ суммъ на содержаніе служащихъ при Московскомъ университетѣ (ib. т. XXII, № 16441) и т. д. Трудно допустить, чтобъ Екатерина сама додумалась до необходимости позаботиться объ увеличеніи содержанія правительственнымъ чиновникамъ, разъ не прошло еще и 10 лѣтъ съ того момента, когда этимъ самымъ чиновникамъ и судьямъ въ 1775 году «жалованье по тогдашнему времяни назначено было

довольно достаточное», какъ говоритъ современникъ Винскій (Рус. Архивъ, 1877, стр. 101). Очевидно здѣсь имѣли мѣсто посторонпія внушенія,—внушенія, исходившія изъ самого русскаго общества, выразителями которыхъ, какъ мы видѣли, были наши писатели.

Но въ такомъ важномъ государственномъ вопросѣ, какъ правосудіе, русскимъ писателямъ нельзя было ограничиться лишь указываніемъ существовавшихъ безпорядковъ: нужно было также подумать и о средствахъ, которыми можно было бы поправить дѣло. Наша литература второй половины XVIII-го в., дѣйствительно, такъ и поступила. Новиковъ помѣстилъ въ своемъ Живописцѣ письмо Фридриха Великаго по поводу Наказа Екатерины II, въ которомъ знаменитый прусскій императоръ предлагалъ государынѣ учредить въ Россіи «Академію Правъ, для наученія во оной людей, опредѣленныхъ къ должности судейской и стряпческой» (Живоп., стр. 136). «Прекрасные законы, писалъ Фридрихъ II Екатеринѣ, составленные по правиламъ, начертаннымъ вами, нуждаются въ законовѣдахъ (ont besoin de jurisconsultes), чтобы быть приведенными въ исполненіе въ вашемъ обширномъ государствѣ; и я думаю, государыня, что послѣ блага, какое вы оказали законодательству, вамъ остается совершить еще одно— это основать академію правъ (une Académie de Droit), чтобы образовать тамъ людей, предназначаемыхъ на судебныя мѣста, какъ судей, такъ и адвокатовъ (tant juges qu' avocats). Какъ бы ни были просты законы, встрѣчаются спорные случаи (il survient des cas litigieux), сложныя и темныя дѣла, гдѣ должно добывать истину изъ глубины кладезя, что требуетъ опытныхъ адвокатовъ и судей для приведенія ихъ въ порядокъ» (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 20, стр. 239—40). Помѣщая у себя подобное письмо, Новиковъ, конечно, вполнѣ раздѣлялъ образъ мыслей его автора. Въ 1788-мъ г. въ «Разговорѣ у кн. Халдиной» Фонъ-Визинъ настойчиво старался провести точно такую же мысль. По его мнѣнію, разсадникомъ полезныхъ и честныхъ общественныхъ дѣятелей должны быть русскіе университеты.

«Развѣ нельзя,—спрашиваетъ здѣсь Сорванцовъ,—завести добрыхъ судей, которые бы имѣли и знаніе и дарованіе понять дѣло»? — «Когда въ россійскихъ городахъ заводятъ университеты, — отвѣчаетъ Здравомыслъ, — то — стало намѣреніе есть готовить къ службѣ людей просвѣщенныхъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ *преподавалась особенно Политическая Наука*... Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ... Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ. Я о семъ размышлялъ довольно, но боюсь здѣсь распространяться, дабы не наскучить.... Я совершенно увѣренъ, что еслибъ взято было за правило: не учась, въ судьи не опредѣлять, то бы между судьями невѣжество было гораздо рѣже» (Сочин., стр. 253—54). Взглядъ Фонъ-Визина на просвѣщеніе, какъ на главнѣйшее средство къ искорененію судебныхъ непорядковъ въ Россіи, не остался безъ отвѣта въ послѣдующей литературѣ. Черезъ два года послѣ «Разговора у кн. Халдиной» А. Н. Радищевъ въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1790 г., снова старался доказать правительству и обществу необходимость позаботиться о подготовкѣ судей къ ихъ должности путемъ образованія въ высшей школѣ. Въ главѣ «Подберезье» авторъ злополучной, хотя и произведшей всеобщій переполохъ, книги выражался такимъ образомъ: «Для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ преподавались бы науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ россійскомъ; ученіе было бы всѣмъ внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе и однимъ поколѣніемъ позже вмѣсто одного латинщика нашлось бы 200 человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ *въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе*» (Лондонское изданіе 1858 г., стр. 151). Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1789 г., одинъ изъ лучшихъ публицистовъ XVIII-го в.,—кн. Щербатовъ, рѣзко охулялъ русское правительство между прочимъ и за то,

что въ канцеляріяхъ и судахъ «нѣтъ нигдѣ знающихъ секретарей и протчихъ служителей». «Охуляю я,—писалъ онъ также,—и трехлѣтнее перемѣненіе всѣхъ судей по выборамъ въ нѣкоихъ присутственныхъ мѣстахъ, чрезъ что каждые три года новые незнающіе засѣдаютъ и, не успѣвъ познать законовъ, ни обрядовъ, паки выходятъ» (Сочин., т. II, стр. 251 сл.).

Справедливыя и честныя указанія нашихъ писателей не остались безъ результата и произвели наконецъ должное вліяніе на законодательную дѣятельность русскаго правительства: 19 февраля 1791 г. послѣдовалъ сенатскій указъ, въ которомъ содержалось распоряженіе, чтобы въ присутственныхъ мѣстахъ къ секретарямъ опредѣлялись особые кандидаты, для лучшаго наученія послѣднихъ какъ самому дѣлопроизводству, такъ и законамъ; послѣ подобной практической подготовки такіе кандидаты должны были назначаться на соотвѣтствующія секретарскія и другія должности, уже пріобрѣтши навыкъ и знаніе дѣлъ и законовъ (Пол. Соб. Зак., т. XXIII, № 16946). Въ другомъ случаѣ правительство предписывало секретарямъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ и судовъ, прежде чѣмъ вступить въ должность, прослушать *установленный курсъ юриспруденціи при Московскомъ университетѣ* и ознакомиться здѣсь съ государственными законами. До какой степени распоряженіе правительства о назначеніи кандидатовъ для тѣхъ или другихъ должностей съ цѣлью практическаго ознакомленія съ дѣлопроизводствомъ и законами оказалось плодотворнымъ и способствовало тому, что къ судейскимъ должностямъ такимъ путемъ подготовлялись лица, дѣйствительно знавшіе дѣло,—можно видѣть изъ свидѣтельствъ современниковъ. Державинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ бытность его статсъ-секретаремъ императ. Екатерины къ нему сбѣжалось «множество канцелярскихъ служителей, просящихся въ его канцелярію, то онъ, дабы испытать ихъ способности, принесенныя къ нему дѣла сенатскими секретарями роздалъ появившимся къ нему кандидатамъ, каждому по одному дѣлу, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ они

сдѣлали соображеніе, подчеркнувъ строки несправедливыхъ рѣшеній, а на полѣ показали *тѣ законы, противъ которыхъ учинена гдѣ погрѣшность*, и доставили бы ему непремѣнно завтра поутру. *Желаніе опредѣлиться и ревность показать свою способность и знаніе* столько въ нихъ подѣйствовали, что они до свѣту на другой день къ нему явились, всякій съ своимъ соображеніемъ» (Сочиненія, изд. Ак. Н., Спб. 1871, т. VI, стр. 628). При императорѣ Павлѣ Петровичѣ распоряженіе Екатерины II отъ 19 февраля 1791 г. получило новую силу: въ 1798 г. былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось назначать въ правительственныя присутственныя мѣста въ помощь къ секретарямъ «старшихъ канцеляристовъ», которые потомъ, ознакомившись съ дѣлопроизводствомъ, могли бы и сами занимать съ успѣхомъ секретарскія мѣста и вообще быть полезными государству чиновниками (Пол. Соб. Зак., т. XXV, № 18740). Мало-по-малу такая практика назначать на правительственныя должности только тѣхъ лицъ, которые служили первоначально кандидатами и освоились въ канцеляріяхъ съ дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и русскими государственными законами, широко распространилась не только въ столичныхъ городахъ, но и въ провинціи, при чемъ охотниковъ опредѣляться въ кандидаты находилось громадное число. 18 марта 1807 г. сенаторъ Рунчъ, осматривавшій Рязанскую губернію, сообщалъ между прочимъ членамъ государственнаго совѣта въ своемъ донесеніи, «что въ Рязанской губерніи состоитъ 339 человѣкъ изъ дворянъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и разночинцовъ, приписанныхъ къ присутственнымъ мѣстамъ сверхъ штата въ число канцелярскихъ служителей» (Архивъ Г. С., т. III, ч. I, стр. 63).

Всматриваясь ближе въ законодательную дѣятельность русскаго правительства по вопросу о правосудіи, нельзя не притти къ убѣжденію, что литературныя произведенія нашихъ писателей 18 в. оказали на нее неотразимое вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ кн. Щербатовъ въ «Разныхъ разсужденіяхъ о правленіи», говоря о законахъ, горячо доказывалъ необходимость

и пользу самой широкой гласности въ русскомъ судопроизводствѣ. «Законы, писалъ онъ, должны быть писаны слогомъ краткимъ, внятнымъ и не двояко знаменующимъ. Но понеже лукавство сердца человѣческаго есть толь велико, что тщетно употреблять всѣ способы къ написанію законовъ безъ двояко-знаменованія, поврежденные судьи все найдутъ нѣкоторое для утвержденія ихъ неправосудія. И для сего является мнѣ, что сіе бы великой полезности было, *естьли бы высшее судебное мѣсто каждой страны ежегодно велѣло печатать подлинникомъ всѣ дѣла, которыя были въ немъ рѣшены»* (Сочин., т. I, стр. 348). Въ знаменитыхъ вопросахъ, публично предложенныхъ Екатеринѣ II Фонъ-Визинымъ на страницахъ Собесѣдника любит. россійскаго слова въ 1783 г., популярный авторъ Недоросля спрашивалъ государыню: «Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства»?—«Для того,—отвѣчала Екатерина, — что вольныхъ типографій до 1782 года не было» (Сочин. Ф.-Виз., стр. 204). Ободренный такими словами императрицы, Фонъ-Визинъ готовъ уже былъ вѣрить, что въ самомъ непродолжительномъ времени неправосудіе на Руси искоренится. «Отвѣтъ вашъ,—писалъ онъ потомъ съ своей стороны государынѣ, — подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностью десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству» (Сочин., стр. 210).

Однако Екатерина II, подобно тому, какъ было дѣло въ 1769 г., осталась вѣрной своему пріему и на этотъ разъ: разрѣшить печатаніе судебныхъ процессовъ послѣ подобнаго литературнаго конфликта—значило бы публично показать всей Россіи, что ее учатъ царствовать; а противъ этого императрица всегда возмущалась всѣмъ существомъ; всякія уступки въ этомъ смыслѣ ясно доказывали бы торжество противника, печатные

вопросы котораго, какъ сама она заявляла въ томъ же Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова, родились «отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли» (Соч. Ф.-Виз., стр. 205), и потому полезная сама по себѣ мѣра къ исправленію правосудія, предложенная Фонъ-Визинымъ, осталась пока безъ практическаго осуществленія со стороны государыни. Впослѣдствіи были, правда, попытки въ такомъ родѣ, но онѣ и сходили ужъ не отъ правительства, а отъ частныхъ лицъ; такъ въ 1791 году Василій Новиковъ задумалъ издавать для русской публики «Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей», гдѣ помѣщались тѣ или другіе судебные процессы, но его изданіе вскорѣ прекратилось. Зато при государѣ Павлѣ I публикація судебныхъ дѣлъ начинаетъ входить въ силу. На самыхъ первыхъ же порахъ своего царствованія императоръ издалъ (въ 1797 г.) строгій указъ, которымъ повелѣвалось *опубликовывать тѣ присутственныя мѣста, въ которыхъ будетъ замѣчено неправое рѣшеніе дѣлъ* (Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17741). Въ слѣдующемъ году офиціальнымъ указомъ государь самъ доводилъ до свѣдѣнія всего русскаго народа, какъ часто въ судахъ совершаются незаконныя рѣшенія (ib. т. XXV, № 18426), какъ иногда позволяютъ себѣ разныя злоупотребленія даже простые городничіе (ib. т. XXV, № 18630), которымъ и назначается публично наказаніе (№ 18606), и т. д. Въ томъ же 1798 г. государь офиціальнымъ указомъ грозно обрушился на Черниговскую *Гражданскую* Палату, которая неправо рѣшила одну тяжбу (ib. т. XXV, № 18645); на этотъ разъ, можно предполагать, сказалось уже вліяніе «Ябеды» Капниста, который недаромъ, конечно, осмѣивая въ своей комедіи неправосудіе именно *гражданскихъ* палатъ, говорилъ въ посвященіи этого произведенія императору Павлу Петровичу:

Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ *споспѣшникомъ Твоимъ*,
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю.

Какъ угодно, но называть себя публично предъ самимъ им-

ператоромъ его же «споспѣшникомъ» въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ частности по вопросу о правосудіи, можно было только имѣя на лицо несомнѣнныя фактическія основанія. Очевидно знаменитая комедія Капниста дѣствительно побудила Павла Петровича еще лишній разъ внимательнѣй всмотрѣться въ тогдашнее русское судопроизводство и замѣтить здѣсь снова безпорядки. Этимъ упорнымъ существованіемъ судебныхъ безобразій, какія иногда продолжала обличать русская литература и какія, очевидно, продолжали еще встрѣчаться, не смотря на строгую законодательную дѣятельность правительства, только и можно объяснить тотъ фактъ, что выведенный изъ себя императоръ Павелъ Петровичъ издалъ наконецъ въ 1798 г. офиціальный указъ, которымъ публично повелѣвалось отрѣшать приказныхъ людей за неправое веденіе дѣлъ въ судахъ отъ ихъ должностей и брать потомъ, въ видѣ наказанія, въ военную службу (П. С. Зак., т. XXV, № 18705).

Все болѣе и болѣе строгія мѣры высшаго правительства по вопросу о правосудіи привели наконецъ къ тому, что необходимость широкой гласности въ русскомъ судопроизводствѣ, какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ исправленію укоренившагося неправосудія, было наконецъ всѣми ясно сознано, и мечты Щербатова и Фонъ-Визина осуществились въ самой жизни. Но это совершилось только въ началѣ царствованія Александра I, когда было приказано издавать при правительствующемъ сенатѣ особую газету, въ которой бы подробно печатались рѣшенныя въ немъ тяжбы судящихся сторонъ. Фактъ этотъ безспорно былъ для своего времено чрезвычайно крупнымъ событіемъ, и намъ пріятно отмѣтить еще разъ, что явленіе это было результатомъ тѣхъ именно литературныхъ указаній со стороны русскихъ писателей XVIII-го в., на которыя мы ссылались выше. Извѣстно, что вопросъ о газетѣ для публикаціи судебныхъ процессовъ, поступившихъ въ сенатъ, какъ высшую судебную инстанцію, возникъ вмѣстѣ съ поднятымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ вопросомъ вообще о правахъ сената,

какъ самостоятельнаго и опредѣленнаго государственнаго учрежденія. Просвѣщенный монархъ видѣлъ, что сенатъ въ концѣ концовъ пересталъ отвѣчать своему назначенію, что дѣла въ немъ рѣшались главнымъ образомъ въ зависимости отъ генералъ-прокурора и что, наконецъ, его рѣшенія не имѣли никакой самостоятельной силы, такъ какъ окончательно утверждались уже властью самихъ русскихъ государей, которые всегда имѣли возможность отмѣнить сенатское рѣшеніе и дать свое. При такихъ условіяхъ какой смыслъ могло представлять и самое существованіе его? Очевидно государь вполнѣ раздѣлялъ взглядъ на этотъ вопросъ кн. Щербатова, который говорилъ въ 1789 г.: «Охуляю я данную великую власть генералъ-прокурору и приведеніе сената почти въ ничтожное состояніе, и наполненіе онаго такими людьми, которые общимъ образомъ ни повѣренности, ни почтенія отъ Государя не имѣютъ, а сіе отнимаетъ общимъ образомъ у народа повѣренность къ правительству; оно само стало повреждено, правители сіи и законы пришли въ ослабленіе, а не меньше повредя, всѣ въ разсужденіи суда начальствуютъ надъ народомъ» (Сочин., т. II, стр. 251 сл.). Желая возстановить истинное значеніе сената, Александръ Павловичъ предложилъ въ 1802 г. высказаться по этому вопросу самимъ членамъ правительствующаго сената, поручивъ имъ предварительно собрать все, что касалось правъ этого учрежденія, предоставленныхъ ему тѣми или другими предшествовавшими русскими государями (Пол. С. Зак., т. XXVII, № 20405). Отдѣльныя мнѣнія членовъ сената о преобразованіи его внесены были потомъ для окончательнаго рѣшенія вопроса на разсмотрѣніе членовъ Государственнаго Совѣта, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривался и вопросъ о газетѣ при сенатѣ для публикаціи дѣлъ. Среди членовъ совѣта проектъ о правахъ сената вызвалъ въ свою очередь чрезвычайно оживленныя пренія и разнообразные доклады и записки. Всматриваясь ближе въ содержаніе этихъ «мнѣній», приходится притти къ заключенію, что не только основныя точки зрѣнія, но часто и самые аргументы тѣхъ или другихъ докла-

довъ цѣликомъ воспроизводятъ соотвѣтствующія сужденія нашихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Извѣстно, напр., какъ горячо и увлекательно доказывалъ Фонъ-Визинъ въ 1783 г. на страницахъ «Собесѣдника любителей россійскаго слова» пользу и необходимость широкой гласности въ русскомъ судопроизводствѣ. Въ отвѣтъ автору «Былей и Небылицъ», т. е. самой Екатеринѣ II, онъ говорилъ между прочимъ: «*Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній, гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся.* Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; *воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ.* О еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель «Былей и Небылицъ»! съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо ваше, *съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія!* Вотъ, г. сочинитель «Былей и Небылицъ», вотъ портретъ достойный забавной, но сильной кисти вашей»! (Сочин. Ф.-В., стр. 210—11). Тотъ же взглядъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторилъ и Радищевъ въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». Всеобщая гласность, по его словамъ, есть могущественная общественная сила: «Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судья, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удо-

влетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежомъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка; но илъ на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность воды» (Лонд. изд., стр. 254—55).

Высказывая мнѣніе о необходимости публиковать рѣшенные въ сенатѣ судебные процессы, дѣйствительный тайный совѣтникъ Трощинскій приводилъ съ своей стороны въ одномъ изъ засѣданій членовъ Государственнаго Совѣта въ 1802 г. такія соображенія на 22-ю статью сенатскаго проекта: «публиковать о дѣлахъ рѣшонныхъ краткимъ означеніемъ въ чью пользу онѣ рѣшились, есть держать частную сенатскую газету. Должно публиковать опредѣленія Сената *со всѣми ихъ подробностями* (какъ на томъ настаивалъ, мы знаемъ, и кн. Щербатовъ), *дабы сужденія его были, такъ сказать, открыты предъ лицомъ цѣлаго государства, дабы пристрастіе, быть могущее, находило въ семъ обузданіе, а твердость и нелицепріятіе свою цѣну* и дабы присутственныя мѣста имѣли всегда предъ собой примѣръ законныхъ сужденій» (Архивъ Гос. Сов., т. III, ч. I, стр. 49). Предъ нами, такимъ образомъ, просто точное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ мыслей, какія были высказаны еще Фонъ-Визинымъ. Безспорную пользу отъ публикаціи чрезъ газету сенатскихъ дѣлъ признавалъ также и генералъ-прокуроръ Беклешевъ, но только, по его мнѣнію, одного этого далеко недостаточно для возстановленія сената въ надлежащихъ правахъ: нужно принять всѣ мѣры и къ улучшенію самаго дѣлопроизводства въ немъ, которое совершалось чрезвычайно медленно; только при такомъ условіи гласность окажетъ дѣйствительныя услуги обществу и государству и принесетъ несомнѣнную пользу. Если «по 22 статьѣ,—говорилъ онъ,—каждый мѣсяцъ о поступающихъ рѣшонныхъ дѣлахъ будетъ публиковано въ вѣдомостяхъ: то послужитъ ли сіе къ успѣшности въ самомъ отправленіи дѣлъ и предупредится ли тѣмъ запущеніе; а безъ таковой помощи, какая польза

видѣть только необъемлемое множество дѣлъ безконечныхъ, и какое утѣшеніе читать и слышать, послѣ коликаго томленія, дѣла рѣшенія получаютъ и во сколько болѣе дѣлъ, неизвѣстность конца ихъ умножаютъ. Что пользы въ компасѣ и картѣ, когда корабль на мели, или отъ течи моря не держитъ» (ibid., стр. 23). Во всякомъ случаѣ самая польза гласности признается Беклешевымъ во всей силѣ. Въ такомъ же смыслѣ высказались по этому вопросу и другіе члены Государственнаго Совѣта. Впрочемъ въ то время гласность, вообще говоря, уже настолько привилась въ русскомъ обществѣ, что въ 1803 г. оказалось возможнымъ издать указъ о вызовѣ въ судъ тяжущихся черезъ объявленія въ газетахъ (П. С. Зак., т. XXVII, № 20799).

Мы разсматривали до сихъ поръ законодательную дѣятельность русскаго правительства о судебномъ дѣлопроизводствѣ въ зависимости ея отъ вліяній со стороны тогдашней обличительной литературы. Факты говорятъ, что настойчивыя усилія нашихъ писателей обратить вниманіе общества и правительства на подобное государственное зло не прошли даромъ и вызвали цѣлый рядъ официальныхъ указовъ и другихъ мѣръ, направленныхъ противъ лихоимства и злоупотребленій судей. Но достигалась ли такимъ путемъ цѣль? Улучшилось ли къ концу 18-го и началу 19-го вв. русское правосудіе?

Что касается царствованія императрицы Екатерины II, то мы не рѣшаемся утверждать, что происшедшія къ концу ея правленія несомнѣнныя улучшенія въ русскомъ судопроизводствѣ были непремѣнно результатомъ ея законодательной дѣятельности по этому вопросу: результаты правительственныхъ начинаній государыни въ этомъ направленіи, по нашему мнѣнію, оказались довольно скромными. Дѣло въ томъ, что стремленіе императрицы исправить непорядки въ судахъ имѣли въ виду главнымъ образомъ, если не исключительно, только низшихъ чиновниковъ и подьячихъ; взяточничество въ этихъ случаяхъ преслѣдовалось, наказывалось и грозило отрѣшеніемъ отъ мѣстъ; но если то же лихоимство касалось лицъ высокопоставленныхъ,

государыня уже измѣняла планъ дѣйствій и готова была сама брать виновныхъ подъ свое покровительство: мы уже знаемъ описанное Державинымъ происшествіе въ псковскомъ судѣ. Снисходительное отношеніе Екатерины къ общественнымъ злоупотребленіямъ, когда они касались высшихъ сановниковъ, извѣстно и въ другихъ случаяхъ: послѣ того, какъ Безбородко и Потемкинъ разграбили государственную казну и украли отсюда до 2000000 рублей, и слѣдствіе выяснило, что виноваты именно эти вельможи, императрица приказала оставить дѣло безъ послѣдствій и государственный недочетъ отнести на счетъ ея величества. Подобная двусмысленность ея правительственныхъ начинаній не могла, конечно, не имѣть вредныхъ послѣдствій и въ вопросѣ о правосудіи: блестящія распоряженія почти не достигали цѣли, такъ какъ не доходили до самаго корня и парализовались дѣйствіями самой же государыни. Если же въ концѣ концовъ и получалось польза, то единственно въ томъ, что относилось къ нисшимъ судебнымъ инстанціямъ, гдѣ законъ всегда могъ сохранять надлежащую силу и строгость; высшіе же слои попрежнему продолжали злоупотреблять своей властью и положеніемъ. Правда, подъ конецъ жизни Екатерина II серьезно занялась было реорганизаціей сената, но проектъ ея остался не выполненнымъ, какъ слѣдуетъ, за смертью ея самой. Словомъ, на этотъ разъ мы видимъ ту же блестящую мишурную внѣшность, то же стремленіе заставить всѣхъ восхвалять себя, какія сказывались и во всѣхъ другихъ случаяхъ правительственныхъ дѣйствій императрицы. Государыня всегда почти горячо принималась за обширныя государственныя предпріятія и никогда не доводила ихъ послѣдовательно до конца. Нѣсколько историческихъ справокъ могутъ показать это съ очевидностью. Такъ созванная въ 1768—69 гг. комиссія депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія, прогремѣвшая на всю Европу и надѣлавшая всюду много пустого шуму, кончилась ничѣмъ. Еще въ самомъ началѣ царствованія Екатерины графъ Джонъ Бекингхэмширъ писалъ въ 1762 г., характеризуя дѣятельность императрицы:

«Она охватываетъ слишкомъ много предметовъ сразу и любитъ начинать, направлять и исправлять проекты въ одно и то же время. Проявляя сама неутомимость во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, она заставляетъ и своихъ министровъ работать безъ перерыва. *Они обсуждаютъ, составляютъ планы, набрысываютъ тысячи проектовъ и ничего не рѣшаютъ*» (Русская Старина 1902, февраль, стр. 443). Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ подъ 7 іюля 1765 г., что русскіе вельможи «нѣсколько сатирически» отзывались объ установленныхъ Екатериной «комиссіяхъ, изъ которыхъ многія учреждены съ самаго вступленія на престолъ Ея Величества, а до нынѣ еще не начинались» (Записки, Спб. 1844, стр. 323). Въ письмѣ Роберта Гунинга графу Суффолькъ, отъ 28 іюля 1772 г., содержится такое заключеніе о государственной дѣятельности императрицы Екатерины II: «Что бы ни говорили въ доказательство противнаго, Императрица здѣсь далеко не популярна и даже не стремится къ тому; она нисколько не любитъ своего народа и не пріобрѣла его любви; чувство, которое въ ней пополняетъ недостатокъ этихъ побужденій, есть безграничное желаніе славы, а что достиженіе этой славы служитъ для нея цѣлью, гораздо выше истиннаго блага страны, ею управляемой, это, по моему мнѣнію, можно основательно заключить изъ того состоянія, въ которомъ, по безпристрастномъ разсмотрѣніи, оказываются дѣла этой страны; если бы мы не предполагали, что она руководствуется подобнымъ принципомъ, мы были бы принуждены обвинить ее въ непослѣдовательности и безразсудствѣ, видя, что она предпринимаетъ огромныя общественныя работы, основываетъ коллегіи и академіи въ широкихъ размѣрахъ и цѣною крупныхъ расходовъ, а между тѣмъ не доводитъ ни одного изъ этихъ учрежденій до нѣкоторой степени совершенства и даже не оканчиваетъ постройку зданій, предназначенныхъ для нихъ. Несомнѣнно, что такимъ образомъ растрачиваются громадныя суммы, принося странѣ лишь весьма малую долю истинной пользы, но съ другой стороны несомнѣнно и то, что этого достаточно *для распростра-*

ненія славы этихъ учрежденій между иностранцами, которые не слѣдятъ и не имѣютъ случая слѣдить за дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и результатомъ» (Сб. И. Р. И. Общ., т. 19, стр. 298—99). «Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а перѣдко и совсѣмъ забываются»?—смѣло спрашивалъ Екатерину Фонъ-Визинъ на страницахъ издававшагося въ 1783 г. «Собесѣдника любителей россійскаго слова» (Сочин., стр. 206). «Я всего могъ опасаться въ странѣ, гдѣ *все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ*», говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Сегюръ подъ 1786 г. (Зап. Спб. 1865, стр. 128). При личномъ разговорѣ съ автрійскимъ императоромъ Іосифомъ II тотъ же графъ въ слѣдующемъ году такъ отзывался о дѣятельности русскаго правительства: «Здѣсь болѣе блеска, чѣмъ прочности; за все берутся, ничего не довершаютъ» (ib., стр. 227). Надъ блестящей мишурной внѣшностью, какою окружала себя Екатерина, подсмѣивался и самъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ; въ разговорѣ съ княземъ де-Линемъ по поводу путешествія императрицы на югъ Россіи въ 1787 г. онъ сказалъ съ улыбкой: Vous avez tout bien flatté ma mère, messieurs, en faisant semblant de voir ce qui n' existe pas; des armées, des ports, des flottes, des villes point bâties et des colonies de cent lieues en poste, qui courraient après vous autres (Mémoires et mélanges historiques et littéraires par le prince de Ligne. Paris, t. IV, p. 47—8).

При такомъ характерѣ правительственной дѣятельности Екатерины II, который, какъ мы видимъ, нисколько не измѣнился съ самаго начала и вплоть до конца ея продолжительнаго царствованія, трудно было ожидать какихъ-нибудь существенныхъ улучшеній и въ вопросѣ о правосудіи. Законы, предписывавшіе вести судъ по правдѣ и безъ лихоимства, издавались, но касались прежде всего только низшихъ судебныхъ инстанцій. Фонъ-Визинъ, напримѣръ, заставляетъ надворнаго совѣтника Взяткина ходатайствовать предъ Его Превосходительствомъ о таможенномъ сборщикѣ Простофилинѣ, котораго «*за весьма ма-*

лое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста». Простофилинъ готовъ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ дать слово на будущее время при опредѣленіи на должность, «что онъ *такъ мало* до казны никогда не прикоснется», а станетъ воровать такими крупными суммами, за которыя его уже не будуть наказывать. Его Превосходительство соглашается позаботиться о симпатичномъ ему Простофилинѣ, но съ условіемъ: «если онъ еще разъ украдетъ мало, то навсегда отъ него отступлюсь» (Соч. Ф.-Виз., стр. 244—46). Конечно хорошо уже было и то, что хоть въ низшихъ-то инстанціяхъ, по крайней мѣрѣ, правосудіе такъ или иначе улучшалось, но все-таки до рѣшительныхъ успѣховъ было еще слишкомъ далеко. Шагъ впередъ замѣчается теперь въ томъ, что если раньше все безъ исключенія русское правосудіе было продажнымъ, то къ концу царствованія Екатерины II такая продажность и грубый произволъ сохранились во всей силѣ лишь среди представителей высшаго правосудія; низшія же судебныя инстанціи подъ давленіемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій замѣтно улучшились, хотя и въ этой средѣ долго еще продолжало существовать взяточничество и продажность, искоренить которыя сразу, разумѣется, было невозможно. Предъ нами открывается, такимъ образомъ, полная двойственность явленій: если мы остановимся, разсматривая вопросъ о правосудіи при Екатеринѣ, на высшихъ инстанціяхъ,—приходится давать мрачную оцѣнку ея правительственной дѣятельности; если же имѣть въ виду низшія инстанціи, — получается другое освѣщеніе. Обращаясь къ историческимъ мемуарамъ и запискамъ современниковъ, мы дѣйствительно и встрѣчаемъ какъ разъ такое двойственное истолкованіе явленій.

Статсъ-секретарь Екатерины II,—Адріанъ Моис. Грибовскій, описывая частный образъ жизни императрицы, говоритъ, что государыня ежедневно съ 9-ти часовъ утра занималась съ своими приближенными важными государственными вопросами (между прочимъ и вопросомъ о сенатѣ, подъ конецъ жизни); и вотъ, когда здѣсь приходилось разсуждать о различныхъ прави-

тельственныхъ мѣрахъ, клонившихся къ благосостоянію Россіи, и «о исправленіи упущеній высшихъ или *судебныхъ мѣстъ*, или начальствующихъ лицъ»,—«тогда и власть и величіе императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея» (Записки, Москва 1864, стр. 55—56).

Стремленіе Екатерины къ правосудію восхваляетъ и графъ Сегюръ. По его словамъ, «такъ какъ императрица вовсе не желала, чтобы министры останавливали жалобы, ей приносимыя, и заглушали голосъ правды, то она наказала бы со всею строгостью министра, который вздумалъ бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ея имя» (Зап., стр. 116). Тотъ же графъ, сопровождавшій государыню во время путешествія въ 1787 г. на югъ Россіи, пишетъ, что Екатерина на пути разспрашивала всѣхъ о состояніи управленія въ губерніяхъ «и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромныя злоупотребленія, которыя многіе старались скрыть отъ нея» (ib., стр. 147).

Даже строгій Державинъ, характеризуя императрицу, даетъ о ней съ этой стороны довольно благопріятный отзывъ: по его словамъ, она «умѣла снисходить слабостямъ людскимъ и защищать безсильныхъ отъ сильныхъ людей» (Сочин., т. VI, стр. 661). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ авторъ Фелицы вынужденъ сознаться, что «она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ» (ib., 654). Тотъ же писатель передаетъ и такой случай: иностранные купцы, входя въ соглашеніе съ таможенными чиновниками, скрывали до десяти процентовъ причитавшихся съ нихъ пошлинъ въ пользу государственной казны; устраивалось это слѣдующимъ образомъ: «выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляютъ иногда цѣну ниже 10-ю процентами, слѣдовательно болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ. Итакъ, сравнивъ количество отпускныхъ товаровъ на-

шихъ съ иностранными цѣновными, выходитъ балансъ на нашей сторонѣ, а дѣйствительная выгода торга и курсъ на иностранной, не говоря о уменьшеніи пошлинъ, ибо мы переводимъ денегъ 10, а получаемъ вмѣсто того только 1 процентъ». Державинъ, открывъ таковую государственную кражу, думалъ сдѣлать выслугу для Имперіи и благоугодное Императрицѣ: подалъ о томъ рапортъ какъ Сенату, такъ и ей краткую, но ясную записку; но что же? Вмѣсто оказательства какого-либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ, какъ ниже увидимъ, вышла еще непріятность. *Сказываютъ, что будто таковая правда была Императрицѣ непріятною, что въ ея правленіе и при ея учрежденіи могла она случиться или, лучше, обнаружиться.* Вотъ каково самолюбіе въ властителяхъ міра! И вредъ—не вредъ, и польза—не польза, когда только имъ они неблагоугодны» (Соч. т. VI, стр. 682—683). Послѣднія слова автора записокъ показываютъ, что стремленіе Екатерины II скрывать крупныя государственныя злоупотребленія ни для кого въ свое время не было тайной и хорошо было извѣстно русскому обществу. Что благоустроенность различныхъ отраслей управленія, и въ частности—стариннаго правосудія, была лишь кажущейся, а въ дѣйствительности здѣсь всегда имѣли мѣсто крупныя злоупотребленія,—это до извѣстной степени подтверждается собственными словами императрицы. Въ письмѣ къ кн. Дашковой, отъ 28 апр. 1774 г., Екатерина называетъ свои намѣренія святыми, но только они «проходя для исполненія черезъ руки многихъ, заимствуютъ отъ несовершенства, роду человѣческому свойственнаго» (Сочин. Ек. II, т. III, стр. 424).

Сохранились отзывы современниковъ о законодательной дѣятельности Екатерины II по вопросу о правосудіи и болѣе опредѣленнаго характера. Князь Щербатовъ въ трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», обрисовавъ современное ему состояніе русскаго государства въ самомъ мрачномъ видѣ, наконецъ говоритъ въ заключеніе: «Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, раз-

вратность ободрена, и все подъ очами и знаніемъ Государя; то *можно-ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать»?* Авторъ, какъ видимъ, прежде всего имѣетъ въ виду высшія правительственныя сферы. По его словамъ, всеобщая испорченность можетъ исчезнуть лишь тогда, когда Россія дождется государя безпристрастнаго и справедливаго: «тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ средь градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой, *правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго»* (О повр. нр. въ Россіи кн. М. Щербатова и Пут. А. Радищева. London 1858, стр. 90 и 95). Тотъ же князь охулялъ въ 1789 г. русское правительство за полную продажность правосудія въ государствѣ, когда всюду, рѣшая тяжебныя дѣла, сообразуются не съ законами, а съ желаніями двора и фаворитовъ. «Всѣ имѣющіе дѣла,—говоритъ онъ,—чувствуютъ всѣ сіи злы надъ собою, и воплями на продолженіе дѣлъ и на неправосудіе всѣ мѣста наполнены; но никто смѣло охулить сіе не смѣетъ, а робость сія наипаче умножаетъ сіи злы» (Сочин., т. II, стр. 251—264).

А. Н. Радищевъ, разсказывая въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», вышедшемъ въ 1790 г., о знаменитомъ снѣ властелина, въ которомъ Екатерина усмотрѣла изображеніе себя самой, говоритъ между прочимъ, что ослѣпленіе владыки, воображавшаго подъ вліяніемъ грубой лести, будто вся страна блаженствуетъ подъ его державой, исчезло, благодаря откровенію подошедшей къ нему Истины. Послѣдняя сняла съ глазъ очарованнаго деспота бѣльма, и онъ увидѣлъ, что дѣйствительное положеніе вещей было прямо обратно тому, какъ представляли его льстецы. Радищевъ заставляетъ теперь прозрѣвшаго властелина откровенно сознаться въ своихъ заблужденіяхъ. «Подвигъ мой, восклицаетъ деспотъ, коимъ въ ослѣпленіи душа моя наиболѣе гордилась, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія отъ превратнаго тол-

кованія и медлительнаго исполненія. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобъ чрезъ отпущеніе вины прослыть въ народѣ милосерднымъ, прослылъ я обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ» (Лонд. изд., стр. 146—47). Такимъ образомъ, по мысли Радищева, русское правосудіе при Екатеринѣ II дошло до публичной торговли закономъ и правдой. Буквально то же самое говорилъ и Фонъ-Визинъ въ «Разговорѣ у кн. Халдиной», относящемся къ 1788 году, когда возставалъ здѣсь противъ судей, «кои, награбя богатства», продолжаютъ однако брать взятки и «*продаютъ публично правосудіе*» (Соч., стр. 255). Именно эти слова автора «Недоросля» и воспроизводилъ, повидимому, Радищевъ. Современникъ Екатерины—Руничъ свидѣтельствуетъ въ своихъ Запискахъ, что при ней правосудіе продавалось «*съ публичнаго торга*» (Русская Старина 1901 г., янв., стр. 68). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ наглядно рисуетъ намъ, какъ пагубно дѣйствовалъ примѣръ высшихъ начальниковъ, безнаказанно позволявшихъ себѣ общественныя злоупотребленія, на ихъ подчиненныхъ и низшихъ чиновниковъ. Усилія императрицы исправить недостатки администраціи и суда, так. обр., въ весьма значительной степени парализовались ея же собственной снисходительностью къ высшему начальству. «Раздѣливъ Россію на губерніи,—говоритъ Руничъ,—и организовавъ ихъ администрацію, Екатерина не могла избѣгнуть злоупотребленій власти и недоброжелательства. Къ концу ея царствованія *правосудіе продавалось тому, кто больше за него предлагалъ*. Губернаторы обогащались на счетъ казны и народа. *Ихъ примѣръ былъ заразителенъ. Мелкіе чиновники поступали на службу только для того, чтобы поскорѣе разбогатѣть.* Подобнаго рода злоупотребленія проникли также въ армію» (Рус. Стар. 1901, янв., стр. 59).

Сохранились свидѣтельства современниковъ и о знаменитыхъ совѣстныхъ судахъ, на которые Екатерина возлагала такія обширныя надежды и въ которыхъ видѣла главнѣйшее и дѣйствитель-

нѣйшее средство избавить Россію отъ волокиты и ябеды въ дѣлахъ правосудія. Описывая судебныя реформы императрицы, предпринятыя въ 1775 г., Винскій говоритъ: «Судебныя мѣста умножены съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись... на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное; но грубой хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду: поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ.

«Учрежденіе Совѣстнаго Суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣла̀ безъ переносу, въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣла̀ по суевѣрію или изувѣрству, дѣла̀ слабоумныхъ и малолѣтнихъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на Сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! Спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти»! Но мы, Россіяне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительные суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что *они были одна кукольная игра*. Какихъ дарованій, знаній не долженствовалъ имѣть совѣстный судья по однимъ дѣламъ колдовства, которое въ невѣжествующей черни сколько многочисленно, столько по нелѣпостямъ и сумазбродствамъ разновидно! Бывали примѣры, что, по слѣдствіямъ Земскихъ Судовъ, цѣлыя селенія обнаруживались преступными въ колдовствѣ; одни какъ колдуны, другіе заколдованные, утверждающіе сіе своими собственными признаніями. Какое искусство, какая сила рѣчи потребны судьѣ, дабы образумить сихъ несчастныхъ и истребить въ нихъ вредныя нелѣпости, ставшія имъ какъ бы врожденными! Касательно раз-

бирательства тяжебныхъ дѣлъ, сіи одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учрежденіе точнѣе уполномочивало сей судъ въ производствѣ дѣла. Когда одинъ изъ тяжущихся, и несомнительно справедливѣйшій, желалъ предать разбирательству Совѣстнаго Суда свое дѣло: тогда другой, и непремѣнно виновный, отъ онаго отказывался; и суду не только не дано силы его принудить къ явкѣ, но ниже права его позвать, или записать и сдѣлать гласнымъ его злонамѣренное сопротивленіе. Такъ желаніе благонамѣренныхъ быть судиму по совѣсти уничтожалося, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать безпомощныхъ. *Можно утвердительно сказать, что, во все время существованія сихъ судовъ, едва ли десять дѣлъ произведено въ оныхъ надлежащимъ образомъ.* Я, четыре года живши въ домѣ совѣстнаго Уфимскаго судьи, видѣлъ, какъ его Алешка, бутузъ, гонялъ со двора несчастныхъ Чувашъ и Мордвовъ, притекавшихъ къ совѣстному правосудію; какъ судья самъ хвасталъ, что въ двѣнадцать лѣтъ его судейства и двѣнадцати дѣлъ не поступило въ судъ. По навѣдываніямъ, въ другихъ губерніяхъ совершалось то же» (Русс. Архивъ, 1877, стр. 101—102).

Но какъ бы рѣшительно и огульно ни осуждали современники законодательную дѣятельность Екатерины II по вопросу о правосудіи, все-таки въ ихъ словахъ всегда будетъ заключаться извѣстная доля преувеличеній. Они, конечно, имѣли основанія сѣтовать на полумѣры императрицы въ судебныхъ реформахъ, когда строгость законовъ, дѣйствительно, примѣнялась лишь къ нисшимъ инстанціямъ суда, да и то не всегда, такъ какъ плутни подьячихъ часто бывали связаны съ злоупотребленіями высшихъ сановниковъ, которые умѣли находить защиту какъ для себя, такъ и для своихъ клевретовъ,—однако нѣтъ сомнѣній, что отрѣшенія отъ мѣстъ, строгія ревизіи присутственныхъ учрежденій, законодательныя распоряженія о скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ и другія мѣры правительства, требовавшаго отъ судей непремѣннаго исполненія законодательныхъ предписаній и офи-

ціальныхъ указовъ,—должны были сильно ограничивать алчность и лихоимство судей и проволочки въ судебныхъ процессахъ. Такъ въ 1777 г. Екатерина официальнымъ указомъ налагала наказаніе за ябеду и волокиту (Пол. Собр. Зак., т. XX. № 14567); въ 1782 г. издала распоряженіе о немедленномъ и точномъ исполненіи правительственныхъ указовъ (ib. т. XXI, № 15320), публично объявляла о злоупотребленіяхъ на таможняхъ (т. XXI, № 15372) и возмущалась злоупотребленіями при назначаемыхъ правительствомъ ревизіяхъ (ib. № 15598); въ 1783 г. еще разъ подтвердила необходимость точно выполнять правительственныя распоряженія и присылаемые въ присутственныя мѣста указы (ib. № 15718); въ 1784 г. учредила строгій надзоръ за правительственными учрежденіями и присутственными мѣстами (ib. т. XXII, № 15926) и высказала требованіе о скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ въ судахъ и канцеляріяхъ (ib. № 16074 и № 16091); въ 1786 г. рѣзко выражала недовольство злоупотребленіями при дѣлопроизводствѣ (№ 16456); въ 1795 г. назначила произвести строгую ревизію присутственныхъ мѣстъ (т. XXIII, № 17414) и установила специальную ревизію по судебнымъ дѣламъ (№ 17416) и т. д. Всѣ эти и подобныя распоряженія правительства, какъ бы ни было, являлись законодательными актами, имѣвшими обязательную силу въ всемъ государствѣ, а потому волей-неволей имъ приходилось подчиняться. Если же и теперь все еще встрѣчались лица, которые продолжали брать взятки и вести судебныя дѣла не по правдѣ, то все-таки они не имѣли возможности дѣлать это такъ открыто, какъ прежде, невольно опасаясь доносовъ, преслѣдованій, правительственныхъ ревизій и законныхъ наказаній; вообще же старинный произволъ судей при такихъ условіяхъ неизбѣжно долженъ былъ уступать все большее и большее мѣсто строгой законности.

Но помимо законодательной дѣятельности правительства, которая служила лишь орудіемъ проведенія въ общественную жизнь тѣхъ взглядовъ, какіе высказывались нашими писателями въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ, улучшеніе русскаго су-

допроизводства обусловливалось съ другой стороны и прямымъ воспитательнымъ вліяніемъ сатирической литературы на общественное самосознаніе. Если неотразимой силѣ настойчивыхъ указаній писателей на общественныя язвы подчинялось невольно само высшее правительство, всегда стремившееся къ полной и абсолютной самостоятельности дѣйствій по вопросамъ государственнаго управленія, то тѣмъ неотразимѣй было вліяніе литературныхъ произведеній на понятія и нравы остальныхъ слоевъ русскаго общества. Осмѣивая судей за лихоимства и волокиту и тщательно разоблачая всѣ ихъ плутни, клонившіяся къ тому, чтобы обойти законъ, литература тѣмъ самымъ успѣла воспитать въ лучшей части современнаго общества полное презрѣніе къ взяткобрателямъ и крючкотворцамъ и неодолимое отвращеніе отъ судейскихъ кляузъ. Новому поколѣнію, выросшему въ атмосферѣ самыхъ обидныхъ издѣвательствъ надъ порочными представителями правосудія, вступая въ судейскія должности, невольно приходилось руководиться уже другими взглядами и если не презирать открыто старыхъ судей, то по крайней мѣрѣ опасаться придерживаться ихъ правилъ изъ боязни заслужить отъ всѣхъ презрительныя насмѣшки. Извѣстное явленіе, выраженное Грибоѣдовымъ въ словахъ:

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче *смѣхъ* всѣхъ держитъ на уздѣ,

безспорно имѣло мѣсто и въ концѣ XVIII-го столѣтія. Что рѣзкія насмѣшки и сатирическія выходки писателей противъ недостойныхъ судей не только воспитывали въ такихъ взглядахъ общество, но задѣвали за живое и самихъ представителей продажнаго правосудія, что, слѣдовательно, обличительная литература достигала цѣли въ своемъ стремленіи «чистить нравы»,— это подтверждается разнообразными историческими свидѣтельствами. Мы остановимся на наиболѣе характерныхъ въ бытовомъ отношеніи. Уже Н. И. Новиковъ въ отвѣтъ на предложеніе г. Огорченнаго заявлялъ въ своемъ «Трутнѣ», выходившемъ

въ 1769—70 гг., что писать сатиры небезопасно, что приниматься за нихъ «надлежитъ *справясь съ силами тѣлесными*». Аблесимовъ, издававшій въ 1781 г. журналъ — «Разкащикъ забавныхъ басень», помѣстилъ здѣсь присланное къ нему какимъ-то Судиловымъ письмо, гдѣ такъ изображается общее неудовольствіе лицъ, задѣтыхъ сатирой «Разкащика»: «Кучами разная братья сбираяся говоритъ: можно бы де писать, да все не такъ нахально, а какъ бы нибудь да полегче... а эдакіе разсказы *всѣхъ пуще приказнымъ такъ глаза и колютъ*, то мы сообща и совѣтуемъ тебѣ отъ эдакихъ разсказовъ уняться—а то быть худу»! (Листъ 16). Какимъ «худомъ» грозили Аблесимову раздраженные его сатирой подьячіе и судьи, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ издателя, которыми отъ заканчиваетъ послѣдній листъ журнала, выходившаго въ теченіе года:

Сколь было силы всей, къ писанью прилежалъ
И слово данное свое во всемъ сдержалъ
Журнала онаго по званью,
Благоразумію стараясь угодить;
Невѣжество же симъ привелъ къ негодованью.
Всѣ разно начали о семъ судить.
Пороки поклялись своей душею:
Разкащикъ гдѣ бъ попалъ, *сломить ему тутъ шею.*
Въ томъ случаѣ чтожъ сказать?
Потребно замолчать.

Крыловъ, издававшій въ 1793 г. журналъ—«Зритель», помѣстилъ здѣсь между прочимъ «Рѣчь, говоренную повѣсою въ собраніи дураковъ», въ которой заставлялъ оратора убѣждать слушателей, «чтобы тѣмъ яснѣе доказать грубость сатиры и возбудить въ сердцахъ вашихъ благородную ревность—*переломать сатирикамъ руки и ноги*» (Полн. Собр. соч. И. Крыл. Спб. 1859, т. I, стр. 308).

Сохранились и другія свидѣтельства, доказывающія, что сатирическія произведенія нашей литературы временъ Екатерины

II дѣйствительно оказывали на понятія и нравы современнаго русскаго общества могущественное воздѣйствіе. Митрополитъ Евгеній приводитъ въ доказательство успѣха произведеній Фонъ-Визина тотъ фактъ, что «многіе, почувствовавъ себя въ родѣ Простаковыхъ, тогда же отпустили изъ домовъ своихъ Вральмановъ и другихъ недостойныхъ воспитателей» (Словарь р. свѣтскихъ писат., Москва 1845, т. I, стр. 77). Ф. Ф. Вигель утверждаетъ съ своей стороны, что «комедіи Фонъ-Визина чистили вкусъ и нравы» русскаго общества (Воспоминанія. Москва 1864, часть I, стр. 163 — 64). Вспоминая о разнообразной дѣятельности Новикова по изданію журналовъ, книгъ и вообще сочиненій, тотъ же авторъ сознается, что «никогда частное лицо не способствовало такъ у насъ распространенію просвѣщенія» и, слѣдовательно, новыхъ взглядовъ и понятій (ib., ч. II, стр. 219—220). Говоря объ увлеченіи русскаго общества временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II всѣмъ французскимъ, Вигель высказываетъ убѣжденіе, что если подобному подражательному направленію и можно было встрѣтить какой-нибудь противовѣсъ, «то, конечно, это были забавныя роли Фирюлиныхъ, въ Несчастіи отъ кареты, и въ Бригадирѣ — глупаго бригадирскаго сынка» (ib. ч. III, стр. 122 — 23).

Имѣя въ виду даже одни приведенныя нами свидѣтельства, приходится заключить, что взгляды русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и по вопросу о правосудіи, глубоко проникали въ сознаніе общества и, значитъ, воспитывали публику въ новыхъ понятіяхъ. До какой степени рѣзко стали измѣняться взгляды самихъ судей на свои обязательства, можно видѣть изъ произведенія Фонъ-Визина — «Разговоръ у кн. Халдиной», гдѣ знаменитый писатель, прославившійся удачнымъ воспроизведеніемъ русской дѣйствительности, выводитъ какъ разъ этотъ вновь народившійся типъ судей. По словамъ автора, характеры кн. Халдиной и судьи Сорванцова имъ «списаны съ натуры»; самое же произведеніе относится къ 1788-му году. Бывшій повѣса Сорванцовъ, теперь

судья, разсказываетъ здѣсь княгинѣ о своихъ опасеніяхъ поплатиться за допущенное имъ неправое рѣшеніе одного дѣла.—«Да неужели ты за одно былъ съ безсовѣстными судьями?» спрашиваетъ Халдина. Но ошибка, оказывается, съ его стороны допущена единственно потому, что онъ не могъ понять какъ слѣдуетъ самого дѣла, а вовсе не изъ желанія мошенничать вмѣстѣ съ старыми и опытными судьями.—«Я согласился съ ними для того, говоритъ Сорванцовъ, что не понималъ дѣла, и мнѣ пристойнѣе казалось имъ не противорѣчить, нежели признаться, что я не понимаю» (Сочин., стр. 252). По его словамъ, дѣла часто рѣшаются неправильно не отъ одной «безсовѣстности судей», но и «отъ безтолковости, съ которою предложено дѣло» (ib., стр. 253). Строгій Здравомыслъ однако обвиняетъ молодыхъ судей и за это: пусть они не желаютъ незаконныхъ рѣшеній тяжбъ и стремятся къ полному правосудію, но разъ у нихъ нѣтъ навыка разбираться въ дѣлахъ, они заслуживаютъ справедливаго осужденія, и притомъ именно за то, «что не сдѣлали привычки къ дѣламъ и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ» (ib., стр. 253). Изъ дальнѣйшаго разсказа Сорванцова о своей жизни мы узнаемъ, что этотъ мотъ, получившій самое нелѣпое первоначальное воспитаніе, недостатки котораго ясно сознаетъ, — теперь образумился, благодаря счастливому случаю: онъ познакомился въ Москвѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который внушилъ ему охоту къ чтенію книгъ и помогъ ему «выкарабкаться изъ кучи тѣхъ презрительныхъ невѣждъ, кои ни Богу, ни людямъ не годятся» (ib., стр. 257). — «Я не скажу, заключаетъ свой разсказъ Сорванцовъ, чтобъ сіе мое стараніе имѣло успѣхъ совершенный. Недостатки воспитанія моего часто наружу выказываются. По крайней мѣрѣ, не ставлю я моего невѣжества, подобно многимъ, себѣ въ достоинство и за перемѣну моихъ мыслей почитаю себя вѣчно обязаннымъ тому молодому почтенному человѣку, который наставилъ меня на стезю правую» (ib. стр. 257).

Мы подробно остановились на разсматриваемомъ произведе-

ніи Фонъ-Визина именно потому, что оно наглядно рисуетъ намъ, какъ подъ вліяніемъ книжныхъ идей улучшалось къ концу XVIII-го вѣка русское правосудіе и какъ образовалося такимъ путемъ новое поколѣніе судей, которому на первыхъ порахъ приходилось вести трудную борьбу съ представителями старинныхъ взглядовъ на судопроизводство. Въ самомъ дѣлѣ, если фактически неправосудіе и продолжало все еще существовать, то оно уже совершенно измѣняло свой прежній смыслъ: это были ошибки въ рѣшеніи дѣлъ непроизвольныя, невольныя, а вовсе не тѣ злостныя, упорныя и намѣренныя плутни старыхъ судей, противъ которыхъ вооружалась обличительная русская литература, напримѣръ, въ концѣ 60-хъ и самомъ началѣ 70-хъ годовъ XVIII-го вѣка, или и еще ранѣе. Новые судьи, пріобрѣтая постепенно опытность въ дѣлахъ и знаніе законовъ, уже начинали вершить дѣла по правдѣ и не давались въ обманъ старымъ лихоимцамъ. Если же въ нашей литературѣ и продолжали еще встрѣчаться нападки на судей (напр., комедія Капниста), то они, очевидно, имѣли въ виду только отживавшихъ представителей стараго поколѣнія, все еще тормозившихъ дѣятельность новыхъ судей. Да и въ самой литературѣ этого времени на ряду съ судьями несправедливыми обыкновенно начинаютъ выводиться и типы судей честныхъ. Такъ въ «Ябедѣ» Капниста мы встрѣчаемъ честнаго повытчика Доброва, молодого человѣка; въ комедіи Судовщикова — «Неслыханное диво или честный секретарь», въ противоположность взяточнику Кривосудову, выставляется честный секретарь Правдинъ, — диковинка, какой подрядчикъ, обратившійся въ судъ, «не видывалъ во вѣкъ» (Сочин. Судовщ., изд. Смирдина, 1849 г., стр. 63); Фонъ-Визинъ подъ конецъ литературной дѣятельности все чаще и чаще указывалъ на честныхъ представителей правосудія: помимо Сорванцова у него встрѣчаемъ, напр., и г-на Безкорыста, который «взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду» (Сочин., стр. 255) и т. д. Къ концу XVIII-го вѣка, впрочемъ, сатирическая литература у насъ совершенно

пала и нападки на судей прекратились. Мы не хотимъ сказать, что лихоимство въ судахъ исчезло къ началу XIX столѣтія; нѣтъ, — оно упорно держалось, да и не могло не держаться по условіямъ того времени, но это не было уже настоящее, прежнее взяткобрательство, а скорѣе побочный доходъ, добавочное содержаніе къ тому, получаемому отъ правительства, жалованью, ничтожность котораго хорошо видѣло и сознавало само русское общество. Со всею силою и въ прежнемъ видѣ старинное лихоимство могло теперь держаться только въ глухихъ, не тронутыхъ просвѣщеніемъ уголкахъ.

Подъ двойнымъ вліяніемъ литературы и законодательства русское судопроизводство уже къ концу царствованія Екатерины II стало испытывать весьма значительныя измѣненія къ лучшему, конечно прежде всего въ низшихъ сферахъ. Графъ Сегюръ, отмѣчая происшедшія при императрицѣ перемѣны въ общественной жизни русскаго народа, говоритъ между прочимъ: «суды рѣшали справедливѣе и сообразнѣе съ законами всѣ дѣла, *если только они не касались сильныхъ особъ*» (Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1865, стр. 179 — 180). «Тамъ, гдѣ не было адвокатовъ, говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Вигель, судьи и секретари должны были нѣкоторымъ образомъ заступать ихъ мѣсто, и *тайное чувство справедливости* не допускало помѣщиковъ роптать противъ такого рода поборовъ, обыкновенно весьма умѣренныхъ. Они никакъ не думали спѣсивиться, съ просителями были ласковы, вѣжливы, дары ихъ принимали съ благодарностію; не дѣлая изъ нихъ никакого употребленія, они сохраняли ихъ до окончанія процесса и *въ случаѣ его потери возвращали ихъ проигравшему*. Къ нимъ приступали смѣло и они дѣйствовали довольно откровенно. Ихъ образъ жизни, предметы ихъ разговоровъ, странность нарядовъ ихъ женъ и дочерей, всегда запоздалыхъ въ модѣ, отдѣляли ихъ даже въ провинціи отъ другихъ обществъ, приближая ихъ однакоже болѣе къ купечеству. Ихъ всетаки клеймили названіемъ подьячихъ, *прежде ненавист-*

нымъ, тогда унизительнымъ. Это было не совсѣмъ несправедливо, ибо въ нихъ можно было видѣть потомковъ или преемниковъ тѣхъ безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ, ненасытныхъ вампировъ, коихъ Капнистъ такъ вѣрно изобразилъ въ комедіи своей «Ябедѣ», конечно *болѣе по воспоминаніямъ, чѣмъ по примѣрамъ, которые имѣлъ предъ глазами.* Вѣкъ Екатерины преобразилъ ихъ въ піявокъ, высасывающихъ лишнюю кровь, и тѣмъ составилось *второе поколѣніе* сего сословія» (Восп., ч. II, стр. 24—25). Комедія Капниста въ первый разъ была представлена на сценѣ 22 августа 1798 г., т. е. спустя всего два года послѣ смерти Екатерины II, хотя составлена была авторомъ гораздо раньше.

Изъ приведенныхъ словъ Вигеля мы видимъ, что взяточничество продолжало существовать въ русскихъ судахъ, но оно уже носило далеко не прежній характеръ, и самимъ обществомъ какъ бы признавалось справедливымъ. Предъ нами, если можно такъ выразиться, — взяточничество добросовѣстное. Такимъ образомъ, перемѣна въ состояніи правосудія къ концу XVIII-го вѣка рѣзко бросалась въ глаза даже самимъ современникамъ; послѣдніе не могли не замѣтить, что теперь на сцену выступило новое и въ значительной степени видоизмѣненное поколѣніе судей.

Тотъ же Вигель, описывая свое пребываніе въ Кіевѣ въ 1790-хъ годахъ, т. е. въ самый послѣдній періодъ продолжительнаго царствованія императрицы Екатерины II, сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о представителяхъ тогдашняго правосудія, характеризуя ихъ не вообще, а въ отдѣльности. «Въ уголовной палатѣ,—говоритъ онъ,—предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневскій, *человѣколюбивѣйшій изъ судей*, что, кажется, довольно великая похвала для уголовнаго предсѣдателя» (Восп., ч. I, стр. 65). Мы видимъ изъ этихъ словъ современника, что представители новаго поколѣнія судей, воспитанные на взглядахъ, проводившихся нашей передовой литературой XVIII в., успѣли заявить себя съ лучшей стороны даже

въ провинціальныхъ городахъ. Возможность наглядно сравнить ихъ съ прежними судьями, и притомъ въ одномъ и томъ же городѣ, получаетъ въ глазахъ историка русскаго правосудія величайшую цѣнность. Какъ разъ такой именно матеріалъ и доставляетъ намъ Вигель. «Предмѣстникъ Вишневскаго,—замѣчаетъ онъ,—былъ *совсѣмъ противныхъ ему свойствъ*, грубый невѣжа и страшный взяточникъ: я его совсѣмъ не помню» (ib., стр. 65). Русское правосудіе къ концу XVIII вѣка испытывало, мы видимъ, въ своемъ развитіи не едва замѣтные успѣхи, не незначительныя измѣненія къ лучшему, а начало рѣзкаго перелома, благодаря которому получали совершенно другой, сравнительно съ прежнимъ, смыслъ и характеръ и самые недостатки суда. Пусть описанныя современникомъ явленія были не всеобщими и пока не повсемѣстными въ русскомъ государствѣ, а встрѣчались лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ,—важно, что процессъ разложенія традиціонныхъ порядковъ уже начался, что лучшія вѣянія и понятія стали прививаться и отстранять старинные взгляды и практику.

«Предсѣдатель гражданской палаты, — продолжаетъ Вигель, — былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туманскій, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. *Онъ судилъ по справедливости и законамъ*, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся, а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ» (ib. ч. I, стр. 65). Не лишены интереса и слѣдующія строки нашего автора: «Скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. *Его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ*, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ» (ib., стр. 67). До какой степени появившіеся честные судьи успѣвали пріобрѣсти всеобщую любовь населенія и искреннюю довѣрчивость тяжущихся, взамѣнъ прежней боязни связываться съ подьячими, можно видѣть изъ того, что сообщаетъ Вигель подъ 1804-мъ годомъ: «Утѣшеніе ожи-

дало насъ въ Малмыжѣ. Онъ еще не былъ опять возведенъ въ званіе уѣзднаго города, однакоже въ немъ жилъ *прежній* городничій, безъ должности, но не безъ дѣла. *Любовь жителей давала ему содержаніе, и они добровольно шли къ нему на судъ*. Забыть его имя могло бы еще быть извинительно, но не спросить даже о немъ, право гадко, а мы это сдѣлали» (ib., ч. II, стр. 139). Таковы были въ нѣкоторыхъ случаяхъ представители правосудія въ концѣ XVIII-го вѣка, иногда продолжавшіе свою полезную дѣятельность и въ послѣдующее время.

Мы видимъ послѣ всего сказаннаго, что мечты нашихъ писателей Екатерининской эпохи руководить дѣятельностью правительства и развивать общественное самосознаніе въ желательномъ для нихъ направленіи дѣйствительно осуществлялись. Факты показываютъ, что неотразимое вліяніе литературы на понятія и нравы современниковъ даетъ право историку видѣть въ ней одинъ изъ могущественныхъ факторовъ культурнаго развитія общественной жизни народа. Русскіе писатели разсматриваемаго времени и сами прекрасно сознавали громадную важность своего общественнаго служенія и принимаемыхъ на себя обязательствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ взгляды на культурныя задачи литературы отличались замѣчательной высотой и ясностью. Такъ, по мнѣнію Фонъ-Визина, русскіе писатели «имѣютъ долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть *полезнымъ совѣтодателемъ государю*, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества» (Сочин., стр. 230). Это говорилось въ 1788 г.; за годъ предъ тѣмъ кн. М. М. Щербатовъ, предупреждая мысли Фонъ-Визина, высказывалъ взглядъ на свои литературныя занятія, имѣвшія въ виду общественные интересы и пользу для родины, какъ на высокое и чистое священнодѣйствіе; онъ прямо называлъ свои произведенія «жертвой» для отечества, приносимой во маркѣ его кабинета, и «источникомъ всея добродѣтели». Въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ

въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупреждать подобное же нещастіе» суровый цензоръ общественныхъ нравовъ вѣка Екатерины такимъ образомъ развивалъ этотъ взглядъ на высокое общественное значеніе литературы: «Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, печися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся они бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи сѣмена желаемую жатву принести. Часы, посвященные мною къ таковымъ писаніямъ, я драгоцѣннѣйшіе въ жизни моей считаю, а предпринимая сіи разсужденія, изъ драгоцѣнныхъ драгоцѣнными ихъ называю, ибо удовлетворяю въономъ разные предметы, приятные душѣ моей, то есть, *воздаю долгъ отечеству*, *предлагаю то*, *что полезно мнѣ быть является*, *и подаю способы спасти отъ нещастія и жесточайшей гладной смерти многія тысячи людей*» (Сочин., т. I, стр. 629—630). Въ 1790 году А. Н. Радищевъ, рисуя въ Путешествіи изъ Петербурга въ Москву свой «проектъ въ будущемъ», также настаивалъ на могуществѣ литературы: по его словамъ, «разумъ человѣческій... сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ *законоположеній*» (Лондонское изд., стр. 222). Во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно сказывается увѣренность русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, что они могутъ оказывать на правительство и законодательную дѣятельность государей полезное вліяніе. Изученіе относящагося сюда историческаго матеріала вполнѣ оправдываетъ подобный взглядъ на литературу.

Обобщая приведенные нами факты по вопросу о правосудіи при Екатеринѣ II, мы устанавливаемъ слѣдующія положенія:

1) Законодательныя распоряженія ея въ этомъ направленіи стоятъ въ прямой зависимости отъ произведеній сатирической литературы второй половины XVIII-го вѣка. Взгляды нашихъ

писателей находили здѣсь лишь важное вспомогательное средство для практическаго осуществленія въ жизни народа.

2) Русское правосудіе къ концу царствованія императрицы замѣтно улучшилось, съ одной стороны, — подъ вліяніемъ законодательныхъ мѣръ правительства, съ другой, — благодаря обличеніямъ писателей, успѣвшихъ воспитать въ болѣе честныхъ взглядахъ новое поколѣніе судей.

3) Улучшенія въ судопроизводствѣ главнымъ образомъ замѣчаются въ низшихъ инстанціяхъ, такъ какъ на злоупотребленія высшихъ сановниковъ и блюстителей закона Екатерина II смотрѣла снисходительно; послѣднее обстоятельство и давало поводъ нѣкоторымъ современникамъ сомнѣваться въ пользѣ предпринятыхъ императрицей судебныхъ реформъ и вообще въ успѣхахъ русскаго правосудія.

4) Значительно ослабѣвшія къ концу вѣка, хотя все еще продолжавшіяся, обличенія судей въ литературѣ, равно и направленныя противъ лихоимства и волокиты судей законодательныя распоряженія имѣютъ въ виду прежде всего отживающихъ представителей стариннаго правосудія и нетронутыя просвѣщеніемъ захолустья. То и другое было одинаково полезно, такъ какъ поддерживало энергію въ честныхъ поборникахъ правды и закона въ судебномъ дѣлопроизводствѣ.

Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича оказало успѣхамъ русскаго правосудія несомнѣнныя и чрезвычайно важныя услуги. Съ чисто внѣшней стороны его законодательная дѣятельность въ этомъ смыслѣ служила лишь продолженіемъ правительственныхъ мѣръ Екатерины, только проявлялась въ болѣе энергическихъ формахъ. Такъ, въ первый же годъ правленія имъ изданъ былъ указъ о сокращеніи канцелярскаго формализма и необходимости установить опредѣленный сводъ дѣйствующихъ въ имперіи законовъ для точнаго руководства кого слѣдуетъ, и заключить ихъ въ три книги (Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17652 и № 17654). Привести въ порядокъ и выяснить дѣйствующіе законы съ устраненіемъ указовъ, потеряв-

шихъ силу или отмѣненныхъ впослѣдствіи, совѣтывалъ, мы видѣли, еще кн. Щербатовъ. Въ 1796 г., т. е. въ первые же мѣсяцы по вступленіи на престолъ, Павелъ Петровичъ энергически приступилъ къ осуществленію своей мысли и издалъ распоряженіе объ образованіи специальной комиссіи для выработки свода дѣйствующихъ законовъ, которой и было усвоено официальное названіе Комиссіи Новыхъ Законовъ (ib., т. XXIV, №№ 17697, 17978). Въ слѣдующемъ году императоръ издалъ предписаніе Сенату рѣшать дѣла безъ проволочекъ; то же повелѣвалось наблюдать и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ (ib. № 17884); подобное распоряженіе вскорѣ было настойчиво повторено еще нѣсколько разъ (№18052 и № 18294). О скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ въ судахъ, канцеляріяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ послѣдовалъ указъ и въ 1799 году (т. XXV, № 18813). Вникая ближе въ общій духъ правительственныхъ распоряженій Павла I по вопросу о правосудіи, приходится сознаться, что его усилія улучшить дѣло отличаются бóльшей энергіей, строгостью и прямолинейностью, нежели то было въ указахъ Екатерины II. Государь запрещалъ, напримѣръ, ябеду уже «въ виду золъ, кои терпитъ польза службы и общественная» (т. XXIV, № 18055). Онъ требовалъ также безусловно точнаго выполненія своихъ распоряженій по вопросу о судахъ и канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, и рѣзко возставалъ въ официальныхъ указахъ противъ упущеній и безпорядковъ въ этой области (т. XXIV, №№ 17964, 19028): дѣлалъ строгіе выговоры и назначалъ наказанія за незаконныя рѣшенія въ судахъ (т. XXV, №№ 18426, 18845), не стѣснялся публично объявлять о приказныхъ людяхъ и практикующихся у нихъ «акциденціяхъ» (т. XXV, 18681), подвергалъ чиновниковъ суду за преступленія по должности (т. XXV, № 18933), предписывалъ начальникамъ не превышать данной имъ власти, а стоять исключительно на почвѣ законности (т. XXV, № 19126) и т. д. Вообще говоря, Павелъ I не любилъ полумѣръ, а извѣстная его строгость въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ замѣчалъ неисправность и злоупотре-

бленія въ общественной жизни, должна была сообщать его указамъ особенно грозную внушительность, и безспорно въ сильной степени обуздывала произволъ и алчность тѣхъ судей, которые хотѣли бы проявлять попрежнему свои грабительскіе инстинкты и поползновенія. Для большаго торжества правосудія и законности государь назначилъ въ 1799 г. ежегодную, правильно организованную, ревизію по гражданскимъ дѣламъ и приказалъ представить ему для того двухъ кандидатовъ изъ сенаторовъ (т. XXV, № 19139), которые и были имъ утверждены (№ 19202). Избранные изъ сенаторовъ ревизоры (см. и № 19211) были снабжены особой инструкціей, въ которой имъ предписывалось между прочимъ точно изслѣдовать и справляться во время объѣздовъ: «1) *О теченіи дѣлъ по Присутственнымъ мѣстамъ правосудія*; 2) О внутренней полиціи; 3) *О поборахъ, лихоимству столь свойственныхъ*» (П. С. Зак., т. XXV, № 19212); они обязаны были также наблюдать въ разныхъ мѣстностяхъ качество земли, даже слѣдить, насколько тщательно оберегаются лѣса и под. Любопытенъ и слѣдующій фактъ: Новиковъ помѣстилъ въ 1769—70 гг. на страницахъ «Трутня» подробное описаніе тѣхъ угощеній, какими задабривали судей ихъ просители съ цѣлью выиграть тяжбу («Тр.», изд. Ефр., листъ 34, стр. 206 сл.); послѣдующіе сатирическіе журналы не разъ отмѣчали подобное утонченное взяточничество; наконецъ, это задабриванье судей путемъ угощеній и подарковъ нашло живое изображеніе въ комедіи Капниста; и вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на такія разоблаченія судейскихъ хитростей, императоръ въ своихъ указахъ противъ лихоимства запрещаетъ взяточничество, имѣя въ виду и все, напоминающее взяточничество (см. привед. указы).

Какъ ревностный поборникъ правды, Павелъ Петровичъ не ограничивался только законодательными мѣрами для искорененія злоупотребленій въ судахъ; онъ охотно готовъ былъ даже лично разсматривать всѣ дѣла, въ которыхъ сказалось бы хоть какое-нибудь неправое притѣсненіе со стороны начальства или обнаружилась незаконность злонамѣренныхъ судей. Съ этой цѣлью

«у наружной стѣны дворца,—говоритъ современникъ Руничъ,—былъ прибитъ ящикъ, куда можно было опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Ихъ было несмѣтное количество» (Рус. Ст. 1901 г., янв., стр. 65). Хорошо понимая, съ другой стороны, что продажность правосудія и разныя злоупотребленія среди нисшихъ чиновниковъ обусловливались въ большинствѣ случаевъ крайней скудостью назначаемаго правительствомъ содержанія за ихъ трудъ, государь старался увеличить ихъ оклады. Такъ въ 1799 г., напр., было издано распоряженіе о назначеніи городничимъ жалованья по 430 рубл. въ годъ (П. С. З., т. XXV, № 18929), что составляло сумму, по тому времени очень значительную; въ томъ же году увеличено содержаніе служащимъ по лѣсной части (ib. № 19234), а въ 1800 г. послѣдовало увеличеніе жалованья и вообще канцелярскимъ чиновникамъ (т. XXVI, № 19266).

Чѣмъ же объясняется эта энергія императора Павла Петровича, какая обнаружилась въ его законодательной дѣятельности по вопросу о правосудіи?

По нашему мнѣнію, единственно тѣмъ, что, воспитанный во взглядахъ передовыхъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, онъ принялся за истребленіе судебныхъ безпорядковъ не по насильному, такъ сказать, принужденію, какъ то мы видѣли въ Екатеринѣ II, а по собственному глубокому убѣжденію во вредѣ для общества кляузъ, волокиты и лихоимства. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Порошина, императоръ еще мальчикомъ читалъ «Трудолюбивую пчелу» Сумарокова и въ частности его статью о копистахъ; впослѣдствіи онъ поддерживалъ знакомство съ знаменитымъ писателемъ вплоть до самой смерти послѣдняго; а извѣстно, какъ злостно издѣвался Сумароковъ надъ взяточничествомъ и крючкотворствомъ судей. По свидѣтельству современника Рунича, «Павелъ, не будучи увѣренъ, что ему придется когда-либо царствовать, подготовлялъ однако въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ теченіе 20 лѣтъ планъ своего царствованія» (Рус. Ст. 1901, янв., стр. 66). Любопытно отмѣтить, что въ этой

подготовкѣ къ будущему царствованію весьма видное участіе принималъ и лучшій писатель нашъ того времени—Д. И. Фонъ-Визинъ, который по предложенію гр. Н. И. Панина и подъ его руководствомъ составлялъ для цесаревича Павла Петровича особую записку о неотложныхъ реформахъ въ Россіи и общественныхъ язвахъ; но мы уже знаемъ, какъ сильно всегда вооружался авторъ Недоросля противъ судебныхъ безпорядковъ, которыхъ онъ не могъ не коснуться, конечно, и въ своемъ докладѣ. Извѣстно также, что Павелъ I тотчасъ по вступленіи на престолъ освободилъ изъ заключенія Н. И. Новикова, возвратилъ изъ ссылки А. Н. Радищева и питалъ искреннее довѣріе къ Державину; онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и съ писателемъ Козодавлевымъ, и съ Лопухинымъ, и наконецъ съ Капнистомъ, который посвятилъ ему свою «Ябеду» и называлъ себя въ предисловіи «споспѣшникомъ» императора въ дѣлѣ искорененія судебныхъ безпорядковъ. Все это доказываетъ, что государь не только былъ прекрасно знакомъ съ произведеніями современной ему русской литературы, но и всецѣло раздѣлялъ взгляды тогдашнихъ писателей по общественнымъ вопросамъ. Вотъ почему и его законодательная дѣятельность, отличавшаяся такой неутомимой энергіей въ стремленіи исправить правосудіе, въ сущности должна быть разсматриваема просто какъ продукъ литературныхъ вліяній, какъ могущественное средство для практическаго осуществленія литературныхъ идей. Именно такое глубокое убѣжденіе и ясное сознаніе о вредѣ, какой могла причинять русскому обществу судебная неурядица, и побуждали Павла I принять самыя рѣшительныя и серьезныя мѣры къ устраненію подобнаго явленія. Въ то же время для него не могло быть сомнѣній, гдѣ слѣдовано искать корень зла. Екатерина II въ значительной степени сумѣла улучшить старинное судопроизводство, но она оставляла полный произволъ своеволію высшихъ сановниковъ, ограничившись исправленіемъ низшихъ инстанцій суда. Это была безспорно бо́льшая ошибка со стороны императрицы. Вотъ почему Павелъ Петровичъ какъ разъ и

прежде всего счелъ нужнымъ обрушиться на высшихъ представителей правосудія. Онъ органически не переносилъ ихъ надменнаго своеволія и всегда открыто говорилъ, что «вышибетъ» изъ вельможъ «потемкинскій духъ». По его мысли, передъ закономъ должны быть всѣ равны, начиная съ государя и кончая послѣднимъ подданнымъ. Такой взглядъ былъ внушенъ ему еще гр. Панинымъ, который убѣждалъ государя предъ своей смертью въ 1783 г. постановить «въ государствѣ *правила непреложныя*, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ *не могъ бы нарушить самъ*, не переставъ быть достойнымъ государемъ» (Шильдеръ, Императоръ Павелъ Первый, Спб. 1901, стр. 182). Замѣтимъ, что слова эти, служившія руководящимъ принципомъ для государя въ теченіи всей его жизни, гр. Панинъ писалъ совмѣстно съ Фонъ-Визинымъ, а потому мы въ правѣ видѣть здѣсь *непосредственное вліяніе на образъ мыслей императора честныхъ взглядовъ одного изъ лучшихъ нашихъ писателей XVIII-го вѣка.* Впрочемъ буквальное воспроизведеніе ихъ мы встрѣтимъ и въ офиціальныхъ заявленіяхъ императора Александра I.

По вступленіи на престолъ Павелъ Петровичъ дѣйствительно быстро подтянулъ всѣ присутственныя мѣста и особенно сенатъ: занятія вездѣ начинались въ его время въ 5 часовъ утра; онъ самъ ежедневно присутствовалъ въ сенатѣ и лично руководилъ занятіями и рѣшалъ дѣла; въ тоже время офиціальнымъ указомъ было объявлено, чтобъ всѣ служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ, и особенно въ сенатѣ, аккуратно являлись на занятія, такъ какъ до свѣдѣнія государя дошло, что они «болѣе для поговорки, нежель для дѣла въ присутственныя мѣста ѣздятъ, да и то пріѣзжаютъ поздно, а выѣзжаютъ рано», какъ жаловался въ свое время еще кн. Щербатовъ (Сочин., т. II, 251—264). Желая имѣть вѣрнаго и надежнаго помощника, который могъ бы тщательно слѣдить за правосудіемъ высшихъ сановниковъ и побуждать ихъ рѣшать дѣла по правдѣ и закону, Павелъ Петровичъ остановилъ наконецъ свой выборъ на Держа-

винѣ. Государь при личномъ свиданіи сказалъ автору «Фелицы», «что знаетъ его со стороны *честнаго, умнаго, безынтереснаго и дѣльнаго человѣка, и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время*, и если что теперь имѣетъ, то чтобы сказалъ ему, ничего не опасаясь» (Соч., т. VI, стр. 702). Ив. Влад. Лопухинъ, другъ и сотрудникъ Новикова, былъ также милостиво принятъ Павломъ I; императоръ вполнѣ довѣрялъ его честности и чувству справедливости и потому назначилъ его 20 янв. 1797 г. въ московскій департаментъ уголовныхъ дѣлъ, гдѣ сенаторы сильно боялись его и считали *«за тайное око государево»*. (Шильдеръ, Имп. П., стр. 323). Конечно, въ концѣ концовъ московскіе сенаторы ошибались, но уже тотъ фактъ, что они вполнѣ допускали возможность тайнаго наблюденія за ихъ дѣйствіями со стороны государя, показываетъ, до какой степени вообще строго слѣдилъ за ними Павелъ Петровичъ и какъ сильно успѣлъ онъ обуздать ихъ прежнее своеволіе, несомнѣнно тѣмъ самымъ улучшивъ русское правосудіе.

Но усилія высшей власти исправить судопроизводство могли имѣть сами по себѣ лишь относительную цѣнность. Законодательныя предписанія и распоряженія безспорно содѣйствовали успѣхамъ правосудія, но для полнаго осуществленія въ жизни они нуждались, конечно, въ честныхъ исполнителяхъ, т. е. въ содѣйствіи самого русскаго общества. Мы уже видѣли, что къ концу царствованія Екатерины II народилось новое поколѣніе судей, воспитавшихся на произведеніяхъ обличительной литературы и съ свѣжими своими взглядами выступившихъ навстрѣчу правительственнымъ начинаніямъ. На первыхъ порахъ борьба защитниковъ новыхъ вѣяній съ представителями старинныхъ традицій обѣщала, повидимому, успѣшный исходъ послѣднимъ, такъ какъ въ количественномъ отношеніи они имѣли безусловный перевѣсъ. Но недаромъ однако русскіе писатели въ теченіе полвѣка громили продажный судъ: ихъ обличенія постепенно производили все большій и большій переворотъ во взглядахъ об-

щества и наконецъ открыли полную свободу дѣйствій людямъ новыхъ понятій. Что касается эпохи правленія императора Павла Петровича, то, по нашему мнѣнію, она была именно тѣмъ временемъ, когда старое и новое начала въ общественномъ самосознаніи переживали критическій моментъ. Силы обоихъ лагерей были уже приблизительно равны; правительство своей законодательной дѣятельностью смѣло ободряло защитниковъ правды на судѣ; въ самомъ обществѣ совершалось внутреннее броженіе, во время котораго, однако, новыя понятія и запросы проникали все глубже и шире въ сознаніе массъ; взгляды нашихъ писателей и сама литература незамѣтно пріобрѣтали все новыхъ приверженцевъ; легко уже было предугадать, въ какую сторону и въ чью пользу будетъ клониться подобный переломъ. Вотъ какъ описываетъ это внутреннее броженіе русскаго общества при императорѣ Павлѣ Петровичѣ одинъ изъ современниковъ: «Число литераторовъ при немъ было не весьма большое въ большой столицѣ. Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось въ деревняхъ, сколько зрѣющихъ и даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, какъ будто дожидалось удобнаго времени: оно наступило: Я былъ тогда въ Москвѣ и помню это время; откуда что взялось? Какъ будто изъ земли выросло!» (Вигель, Воспом., ч. III, стр. 133—134). При такомъ состояніи русскаго общества правительству временъ Павла I уже не могло представлять особаго труда найти для себя честныхъ судей. Неудивительно, что сравнительно съ временами Екатерины II успѣхи нашего правосудія за кратковременное правленіе ея преемника рѣзко бросались въ глаза даже самимъ современникамъ. Такъ сдержанный въ похвалахъ Д. П. Руничъ, характеризуя правленіе Павла I, даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Надобно сказать правду, что всѣ отрасли управленія были при немъ значительно упорядочены по сравненію съ прежнимъ. Продажность должностныхъ лицъ не могла быть искоренена сразу; по крайней мѣрѣ правосудіе не продавалось болѣе съ публичнаго торга» (Рус. Стар., 1901, Январь,

стр. 68). Рисуя въ другомъ мѣстѣ печальное положеніе цесаревича Павла Петровича въ царствованіе Екатерины II, тотъ же современникъ говоритъ: «Онъ терпѣлъ всевозможныя непріятности и униженія, не жалуясь. Онъ зналъ, что на его счетъ распространяли непріятные слухи тѣ фавориты его матери, которые сами расхищали доходы государства, злоупотребляли властью, *продавали правосудіе*, допускали всевозможныя злоупотребленія, чтобы создать себѣ приверженцевъ. Вступивъ на престолъ, *онъ хотѣлъ искоренить эти злоупотребленія.* Онъ былъ строгъ, но справедливъ, требователенъ, но всегда щедръ и великодушенъ» (Рус. Стар. 1901, февраль, стр. 345). Правда, въ большинствѣ случаевъ отзывы о Павлѣ I другихъ современниковъ отличаются характеромъ рѣзкихъ осужденій, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти отзывы принадлежатъ почти всегда представителямъ дворянства, которое особенно преслѣдовалъ императоръ и которое имѣло всѣ основанія быть недовольнымъ этимъ монархомъ, хотя бы за одно уже сокращеніе помѣщичьихъ правъ въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ; между тѣмъ внимательное изученіе законодательной дѣятельности Павла I приводитъ къ другому взгляду на него. Наиболѣе справедливый отзывъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, современнику Руничу: «Правда,— говоритъ онъ,—что императоръ нисколько не умѣрялъ своей строгости касательно военной службы, требуя во всѣхъ отношеніяхъ самой точной исполнительности, точно такъ же, какъ *онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія гражданскимъ властямъ, когда онѣ дѣйствовали противозаконно* или несогласно съ его волею; однако нельзя приписывать ему всѣ несправедливости, которыя дѣлались его именемъ. Самодержавный монархъ, онъ оказывалъ безграничное довѣріе тому, кого онъ считалъ достойнымъ этого довѣрія, на комъ останавливалъ свой выборъ и кого облекалъ неограниченной властью. Это довѣріе породило множество злоупотребленій, но вообще *народъ не терпѣлъ притѣсненій*; даже солдаты, которые всегда жалуются на самое легкое подчиненіе, не тяготились суровыми требованіями службы,

такъ какъ они получали все, что имъ полагалось, и могли дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, несмотря на свое низкое, плебейское происхожденіе. Торговля была возвышена дарованными ей новыми правами, слѣдовательно, *только одни дворяне могли быть недовольны* тѣмъ, что императоръ не обращалъ вниманія на ихъ права, оскорбляя ихъ проявленіемъ своей самодержавной власти» (Рус. Стар., 1901 г., февраль, стр. 343).

Резюмируя все сказанное нами о государѣ Павлѣ Петровичѣ, мы устанавливаемъ слѣдующіе выводы:

1) Его законодательная дѣятельность, имѣвшая въ виду улучшеніе судопроизводства, являясь орудіемъ практическаго осуществленія литературныхъ идей нашихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка, оказывалась дѣйствительнѣй распоряженій Екатерины II, такъ какъ императоръ поступалъ вполнѣ добровольно и съ убѣжденіемъ въ необходимости коренным образомъ исправить судъ.

2) Законодательныя распоряженія въ это время прежде всего имѣли въ виду верховныя инстанціи суда, своеволіе которыхъ почти не знало границъ при Екатеринѣ II. Такимъ путемъ въ значительной степени была исправлена допущенная авторомъ «Наказа» ошибка, грубо тормозившая успѣхи русскаго правосудія.

3) Правительственныя распоряженія Павла I, клонившіяся къ улучшенію судебнаго дѣлопроизводства, имѣли успѣхъ и потому, что находили поддержку и въ самомъ русскомъ обществѣ, которое всегда могло теперь поставить съ своей стороны честныхъ судей.

Царствованіе императора Александра Павловича уже самимъ современникамъ казалось эпохой полнаго возрожденія Россіи. Въ это время, дѣйствительно, были подняты и поставлены на очередь всѣ самые сложные и капитальные вопросы государственной жизни, какіе давно уже настойчиво указывались нашими писателями. Народное представительство и свободная конституція, заботы о просвѣщеніи страны, крѣпостное право, вы-

работка непреложныхъ законовъ, съ цѣлью поставить ихъ даже выше произвола неограниченной власти,— таковы были задачи новаго царствованія, назрѣвшія къ началу XIX вѣка. При подобныхъ условіяхъ улучшеніе судопроизводства не могло не занимать молодого государя. Внимательный обзоръ законодательныхъ распоряженій Александра Павловича, стремившагося обезпечить рѣшительное торжество правосудія, дѣйствительно приводитъ къ заключенію, что энергическія усилія правительства въ этомъ смыслѣ имѣли цѣлью искоренить всякія безчинства въ судахъ разъ на всегда. Желая поставить личныя убѣжденія императора по вопросу о правосудіи и вытекавшія отсюда законодательныя мѣры его въ строгую связь съ вліяніями литературными, мы прежде всего должны вспомнить, что первыя десятилѣтія XIX-го в. были временемъ, когда русскіе писатели болѣе, чѣмъ въ какую угодно другую предшествующую эпоху получили возможность проводить въ общественную жизнь свои взгляды непосредственно и лично, такъ какъ правительство всегда готово было вручить имъ любую изъ наиболѣе важныхъ отраслей государственнаго управленія. «Странное дѣло,— говоритъ по этому поводу современникъ,— что Александръ не любилъ стиховъ, презиралъ ихъ даже, а высоко цѣнилъ поэтовъ. Онъ полагалъ, что стихи не что иначе, какъ блестящія шалости, мотовство богатаго ума, сокровища свои попустому расточающаго. Во всякомъ поэтѣ видѣлъ онъ искуснаго правителя, судью, котораго стоитъ поставить на истинный путь, ему природой указанный, съ котораго сила воображенія своротила его, и тогда отъ него болѣе, чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы» (Восп. Вигеля, ч. III, стр. 85). Русскіе писатели сумѣли, такимъ образомъ, внушить къ себѣ и своимъ взглядамъ полное довѣріе со стороны верховной власти. Безусловное уваженіе къ честному и правдивому образу мыслей представителей нашей литературы,— какъ современной, такъ и предшествующей,— и желаніе предоставить имъ всѣ средства непосредственно проводить свои взгляды въ жизнь общества и побуждали государя

ввѣрять писателямъ отдѣльныя отрасли государственнаго управленія. Такъ Александръ Павловичъ именнымъ указомъ пригласилъ къ участію въ комиссіи новаго уложенія автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»,— А. Н. Радищева; Державинъ исправлялъ въ первые годы новаго царствованія обязанности министра юстиціи; впослѣдствіи этотъ постъ предоставленъ былъ другому писателю—Ив. Ив. Дмитріеву, «и русское правосудіе сдѣлало въ немъ важное пріобрѣтеніе», замѣчаетъ по этому поводу современникъ (Восп. Вигеля, III, 86); писатель Пнинъ, поклонникъ идей Радищева, доказывавшій необходимость широкаго просвѣщенія въ Россіи и облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ, дѣлалъ поправки и добавленія въ своей книгѣ сообразно съ указаніями, какія получалъ отъ императора въ личныхъ бесѣдахъ съ нимъ; Карамзину было предложено государемъ принять завѣдываніе министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ чего однако знаменитый писатель добровольно отказался, хотя не безъ сожалѣнія; около того же времени писатель Козодавлевъ получилъ назначеніе въ министры внутреннихъ дѣлъ и долженъ былъ разробатывать практическую сторону проекта объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной барщины и т. д.

Неудивительно, если въ отдѣльныхъ законодательныхъ распоряженіяхъ императора Александра Павловича по вопросу о правосудіи мы встрѣтимъ почти буквальное воспроизведеніе мыслей того или другого изъ русскихъ писателей. Заслуживаетъ вниманія съ этой точки зрѣнія уже основной принципъ государя, которымъ онъ руководился въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ: абсолютная неприкосновенность закона, силѣ котораго должны подчиняться всѣ члены общества, съ императоромъ во главѣ. Законъ является, по мысли Александра I, основнымъ нормирующимъ началомъ въ государственной жизни, и монархъ долженъ быть *первымъ его исполнителемъ.* Значеніе закона только тогда будетъ имѣть полную силу, когда и въ дѣлахъ правосудія и въ дѣлахъ вообще управленія онъ будетъ стоять на незыблемомъ основаніи. «Считаю я себѣ непозволен-

нымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, — публично заявлялъ государь въ именномъ указѣ, отъ 23 сентября 1801 г., данномъ Комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ,— когда несогласенъ онъ *съ правосудіемъ, первою обязанностью Государей*» (П. С. Зак., т. XXVI, № 20012). Императоръ такъ дѣйствительно и стремился поступать. «Какъ скоро, — писалъ онъ 7 августа 1801 г. въ отвѣтъ на прошеніе кн. Голицыной,— я себѣ дозволю нарушать законы, кто тогда почтетъ за обязанность исполнять ихъ? Быть выше ихъ, еслибъ я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ» (Рус. Архивъ 1877, стр. 146). Въ другомъ случаѣ, отвѣчая на прошеніе А. Н. Нарышкиной о завѣщаніи ея покойнаго мужа, Александръ писалъ 25 апр. 1801 г. о священномъ значеніи законовъ, которыхъ онъ не можетъ преступить: «Я бы подалъ примѣръ къ безконечному ихъ нарушенію и положилъ бы основаніе къ вѣчной тяжбѣ отъ рода въ родъ, при всякомъ царствѣ возраждающейся» (ib., стр. 145). Нельзя не сознаться, что на этотъ разъ мы имѣемъ предъ собой буквальное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ словъ, которыя писалъ императору Павлу Петровичу Фонъ-Визинъ, когда доказывалъ вмѣстѣ съ гр. Панинымъ, что государь долженъ поставить «въ государствѣ *правила непреложныя*, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ *не могъ бы нарушить самъ*, не переставъ быть достойнымъ государемъ» (Шильдеръ, Имп. Павелъ, стр. 182). Такимъ образомъ, мысль просвѣщеннаго писателя, ставшая руководящимъ принципомъ императора Павла I, не потеряла своей силы и при его преемникѣ.

Желая оградить законъ отъ всякаго произвола власти и тѣмъ самымъ обезпечить успѣхи русскаго правосудія, Александръ Павловичъ опубликовалъ 5 іюня 1801 г., т. е. почти тотчасъ по восшествіи на престолъ, слѣдующій именной рескриптъ на имя сената: «Уважая всегда Правительствующій Сенатъ, яко *Верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ*, и зная, сколь много права и преимущества, отъ Государей Предковъ моихъ ему присвоенныя, по времени и различнымъ обстоя-

тельствамъ подверглися перемѣнѣ, къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго, Я желаю возстановить оный на прежнюю степень, ему приличную, и для управленія мѣстъ ему подвластныхъ толико нужную; и на сей конецъ требую отъ Сената, чтобъ онъ собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанность его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества Правительствующаго Сената Я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи, какъ Государственный законъ, и силою данной Мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ» (П. С. З., т. XXVI, № 19908). Исполняя волю монарха, сенатъ, дѣйствительно, представилъ императору проектъ о возстановленіи правъ сената, который и былъ препровожденъ для окончательнаго разсмотрѣнія членамъ Государственнаго Совѣта. Въ проектѣ, заключавшемъ 27 статей, говорилось, что главную цѣль и непосредственный предметъ установленія сената, какъ государственнаго учрежденія, составляетъ «вышнее отправленіе *правосудія*, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и общее ведѣніе всѣхъ государственныхъ распоряженій». Здѣсь предлагалось не только возстановить во всей силѣ права сената, но и улучшить самое дѣлопроизводство въ немъ, чтобы всякій подданный зналъ, «что *никакая личность, никакое пристрастіе не терпимы предъ лицомъ правосудія*» (Архивъ Государ. Совѣта, т. III, часть I, стр. 19—20). Общій смыслъ именного указа 5 іюня 1801 г., представленный сенатомъ проектъ и наконецъ происходившія въ Государственномъ Совѣтѣ пренія по этому поводу ясно показываютъ, что разсматриваемая правительственная мѣра имѣла въ виду прежде всего непреложность закона въ дѣлахъ правосудія. Такъ именно и понималъ значеніе предполагавшейся реформы сената генералъ прокуроръ Беклешевъ, который заявлялъ въ засѣданіи членовъ Государственнаго Совѣта 1 мая 1802 г., что если сенату не дать права отстаивать законъ даже предъ самимъ

государемъ, то это будетъ значить «не *правосудіе*, не безопасность, но заблужденіе и отчаянность вводить въ систему» (ibid. стр. 21). Въ такомъ же смыслѣ высказался между прочимъ и гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, по мнѣнію котораго, сенатъ просто является учрежденіемъ, «гдѣ подъ глазами самодержца вѣдаются всѣ правительства и отправляется докончательно правосудіе» (ibid., стр. 31). По вопросу о болѣе успѣшномъ производствѣ дѣлъ въ сенатѣ тотъ же графъ предлагалъ установить шестимѣсячный срокъ крайнимъ предѣломъ «всѣхъ медленностей» (ibid., стр. 36). Вообще же члены Государственнаго Совѣта почти всѣ высказались за сенатскій проектъ и въ пользу самой широкой гласности въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, такъ что признали необходимымъ для правительства издавать при сенатѣ особую газету для публикаціи тяжбъ и процессовъ, причемъ, какъ мы видѣли выше, почти буквально воспроизвели въ своей мотивировкѣ слова Фонъ-Визина, Щербатова и Радищева.

Вопросъ о правосудіи, вообще говоря, сильно занималъ императора. Въ первые же мѣсяцы своего царствованія государь собственноручнымъ рескриптомъ на имя гр. Завадовскаго поручалъ ему образовать особую комиссію для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ, чтобы такимъ путемъ реформировать окончательно старый судъ. Работы комиссіи должны были устранить путаницу и противорѣчія въ указахъ, которыя облекаютъ мракомъ и судью и подсудимаго (Полн. Собр. Зак., т. XXVI, № 19904). Но наше вниманіе невольно останавливаетъ въ этомъ рескриптѣ и другое обстоятельство: государь заявляетъ здѣсь также, что «великое дѣло Законоположенія» всегда составляло у насъ «предметъ размышленія наилучшихъ государей и *цѣль желаній просвѣщеннѣйшей части подданныхъ*». Александръ Павловичъ публично сознается, такимъ образомъ, что, стремясь улучшить русское правосудіе и выработать непреложный законъ, онъ руководился въ данномъ случаѣ не одними личными соображеніями, но и желалъ тѣмъ самымъ осуществить мысли и лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей общества, подъ которыми

слѣдуетъ разумѣть скорѣе всего именно нашихъ писателей 18 в., руководившихъ общественнымъ мнѣніемъ.

Отраженіе литературныхъ идей по вопросу о русскомъ судопроизводствѣ сказывается въ законодательной дѣятельности Александра I и въ другихъ случаяхъ. Въ именномъ указѣ сенату, отъ 1 авг. 1801 г., по поводу поступка Тамбовскаго Губернатора Бахметева, который сначала предалъ суду чиновниковъ за взятки, а потомъ нашелъ ихъ невинными, говорилось: «поступокъ таковой, обнаруживая злоупотребленіе власти и прихотливое ея обращеніе на выслугу себѣ, *съ отягощеніемъ судьбы людей, по званію губернатора особенному вниманію и попеченію его ввѣренныхъ*», заслуживаетъ самаго строгаго наказанія; государь находилъ нужнымъ поэтому отрѣшить Бахметева отъ должности (П. С. Зак., т. XXVI, № 19962). Въ указѣ этомъ любопытно отмѣтить не одно стремленіе искоренить общественныя злоупотребленія, но и почти буквальное сходство словъ императора съ тѣмъ, что мы находимъ въ «Трутнѣ» Новикова о порожнемъ и выгодномъ мѣстѣ, требующемъ «человѣка разумнаго, ученаго и прилѣжнаго; ибо *отъ него блаженство и жизнь великаго числа людей зависитъ*». Честный искатель этого мѣста не добивался бы его, *«ежели бы онъ не былъ въ состояніи подвластныхъ сему мѣсту учинить благополучными, и возстановить ихъ отъ раззоренія*, въ которое приведены были бывшимъ судіею» (Тр., изд. Ефр., стр. 26—27).

Высокій взглядъ Новикова на обязательства высшихъ должностныхъ лицъ и ихъ отвѣтственность предъ обществомъ и государствомъ уже оказалъ въ свое время извѣстное вліяніе на правительственную дѣятельность Екатерины II, но онъ не потерялъ, мы видимъ, своего значенія и при Александрѣ I, для котораго также служилъ руководящимъ правиломъ въ дѣлахъ внутренняго управленія имперіей.

Въ именномъ указѣ сенату, отъ 27 сент. 1801 г., объ отмѣнѣ пытки государь дѣлаетъ распоряженіе, «чтобъ нигдѣ ни подъ какимъ видомъ ни въ вышнихъ, ни въ нижнихъ Правитель-

ствахъ и Судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять *никакихъ истязаній*, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ Присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали *личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе*, что въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ либо *пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укаризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной» (П. С. Зак., т. XXVI, № 20022). Мы находимъ здѣсь опять-таки полное и точное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ мыслей, какія проводились и въ помѣщенномъ у Новикова разсказѣ о пропажѣ золотыхъ судейскихъ часовъ, о судебномъ разслѣдованіи по этому поводу, о жестокихъ пыткахъ, пристрастныхъ допросахъ и т. д. Въ 1804 г. еще разъ было издано предписаніе не прибѣгать въ судахъ къ вынужденнымъ признаніямъ (ib. т. XXVIII, № 21516).

Мы не безъ основаній ставимъ въ связь тѣ или другія мысли законодательныхъ распоряженій императора Александра съ литературной дѣятельностью Новикова. Дѣло въ томъ, что государю и его приближеннымъ лицамъ была прекрасно извѣстна не только литературная дѣятельность знаменитаго издателя сатирическихъ журналовъ, но и его личныя качества. По крайней мѣрѣ масонъ Лабзинъ, издававшій «Сіонскій Вѣстникъ», писалъ 10 марта 1823 г. къ Корнѣеву, вспоминая 1806-й годъ, что всѣ постигшія «Сіонскій Вѣстникъ» бѣдствія исходили отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ вельможъ. Когда литературная дѣятельность Лабзина была признана не соотвѣтствовавшей «духу правительства», то по этому поводу недоброжелатели нашего масона въ присутствіи государя «совѣтъ сотвориша», при чемъ гр. Кочубей предлагалъ заключить Лабзина въ тюрьму (il faut l'enfermer); онъ доказывалъ необходимость подобной мѣры,—пишетъ Лабзинъ,—«сравнивая меня съ покойникомъ Н. И. Новиковымъ и находя, что я его еще опаснѣе; потому что тотъ, бывъ человѣкъ неученый и

не знавшій языковъ, долженъ былъ жаръ загребать чужими руками, а я все то же могу самъ дѣлать» (Русскій Архивъ, 1892, кн. 3, стр. 370). «Вотъ какія понятія вселяли обо мнѣ Государю», заключаетъ свое письмо Лабзинъ. Мы видимъ изъ приведенныхъ словъ, что гр. Кочубей указывалъ на литературную дѣятельность Новикова, какъ на фактъ, прекрасно знакомый всѣмъ присутствовавшимъ въ совѣтѣ; онъ сообщалъ также, какъ общеизвѣстное обстоятельство, что Новиковъ не зналъ иностранныхъ языковъ. Между тѣмъ въ незнаніи языковъ Новиковъ признавался лишь на страницахъ издававшагося имъ въ 1772 г. журнала—«Живописецъ», именно въ статьѣ—«Англиская прогулка» (Живоп., изд. Ефр., СПБ. 1864, стр. 79 сл.)». До такой степени его сатирическіе журналы пользовались извѣстностью въ придворныхъ сферахъ даже въ началѣ 19-го вѣка! Неудивительно послѣ этого, что отдѣльныя мысли его почти дословно воспроизводились въ офиціальныхъ законодательныхъ распоряженіяхъ не только Екатерины II или Павла I, но и Александра Павловича.

Въ заботахъ объ улучшеніи русскаго правосудія императоръ Александръ I стремился уничтожить взяточничество въ самомъ корнѣ. Именнымъ указомъ, отъ 18 ноября 1802 г., государь повелѣвалъ сенату «подать мнѣніе, какія вообще къ истребленію язвы сей (лихоимства) должно принять мѣры, дабы не могла она вредить ни правосудію, ни Государственному устройству, ниже скорому теченію въ отправленія дѣлъ», такъ какъ императору хотѣлось «истребить оное (лихоимство) въ самомъ корнѣ, отвратя причины къ поползновенію» (П. С. Зак., т. XXVII, № 20516). Вообще на исправленіе злоупотребленій въ судахъ въ это время было обращено особенно серьезное вниманіе. Таковы, напримѣръ, указы, предписывавшіе улучшить и ускорить порядокъ въ теченіи дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ (т. XXVI, № 19976), указывавшіе пороки чиновниковъ съ требованіемъ исправленія (ib. № 20062), повелѣвавшіе избѣгать излишнихъ канцелярскихъ формальностей (ib., т. XXVII, № 20477—78; также т. XXVIII,

№ 21522 и т. XXXI, № 24254), особенно въ судебномъ дѣлопроизводствѣ (ib., т. XXX, № 23981) и т. д. Въ 1808 г. правительственнымъ указомъ предписывалось, въ видахъ искорененія злоупотребленій и взяточничества, назначать на должность городничихъ тѣхъ или другихъ лицъ, сообразуясь единственно съ ихъ способностями, а вовсе не съ происхожденіемъ и чинами (т. XXX, № 23180). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заботилось и о точномъ исполненіи официальныхъ указовъ: въ 1806 г. послѣдовало строгое предписаніе, чтобъ въ присутственныхъ мѣстахъ и судахъ дѣла рѣшались единственно на основаніи точнаго смысла законодательныхъ распоряженій высшей власти (т. XXIX, № 22134). Всякая несправедливость въ судѣ и уклоненіе отъ законности подвергались строгимъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ со стороны правительства: таковы указы 1801 года и слѣдующихъ годовъ (т. XXVI №№ 19802, 19998, т. XXVII, № 20127, т. XXVIII, №№ 21190, 21201, 21459 и др.), въ которыхъ караются судьи за неправое рѣшеніе дѣлъ и преслѣдуется превышеніе власти со стороны чиновниковъ (т. XXVII, № 20372). По поводу разслѣдованнаго Державинымъ дѣла о злоупотребленіяхъ губернаторовъ послѣдовало въ 1802 г. официальное предписаніе правителямъ губерній искоренять проволочки въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, наказывать за лихоимство и взятки и превышеніе власти (ib., т. XXVII, № 20374). Въ томъ же году Кіевскій Главный Судъ получилъ строгое внушеніе за допущенное имъ неправое судебное рѣшеніе (т. XXVII, № 20430); въ 1804 г. послѣдовалъ строгій указъ по поводу обнаружившихся злоупотребленій со стороны тамбовскихъ чиновниковъ (т. XXVIII, № 21120); въ 1805 г изданъ такой же указъ по поводу незаконнаго рѣшенія дѣла въ Лифляндскомъ Губернскомъ Правленіи (т. XXVIII, № 21572) и т. д. Эти и подобныя правительственныя распоряженія безспорно должны были сильно сдерживать всякія злоупотребленія въ судѣ и администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено серьезное вниманіе и на улучшеніе матеріальнаго обезпеченія чиновниковъ. Такъ въ

1802 г. было увеличено жалованье секретарямъ канцелярій присутственныхъ мѣстъ (ib., т. XXVII, № 20314), а въ 1806 г. учрежденъ даже особый сборъ на улучшеніе правительственнаго содержанія чиновниковъ и ускореніе дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ (т. XXIX, № 22392). До какой степени крупные успѣхи оказало русское правосудіе въ первыя десятилѣтія 19-го вѣка, можно видѣть уже изъ того, что теперь правительство заботится о водвореніи строго законнаго суда, имѣя въ виду не одни крупные центры населенія и большіе города, какъ то замѣтно въ законодательной дѣятельности предшествующихъ царствованій, но и незначительныя захолустья и даже просто сельскихъ обывателей. Мы уже знаемъ распоряженіе о выборѣ въ городничіе надежныхъ и честныхъ лицъ, единственно сообразуясь съ ихъ способностями, а не происхожденіемъ; здѣсь сказалась работа правительства о водвореніи законности въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ городничіе являлись главными представителями администраціи и суда. Въ 1801 году послѣдовалъ указъ и о сельскихъ обывателяхъ, который бралъ подъ свою защиту крестьянъ и предписывалъ губернскому и уѣздному начальству «силою закона оградить ихъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны чиновниковъ, имѣющихъ напротивъ того непремѣнную обязанность доставлять имъ во всякихъ случаяхъ нужную помощь и защиту» (ib., т. XXVI, № 19943). Указъ 1802 г. простираетъ работы правительства въ этомъ смыслѣ еще далѣе: здѣсь областному начальству предписывается всячески защищать отъ притѣсненій чиновниковъ и судей даже башкирцевъ, мещеряковъ и тептерей (т. XXVII, № 20231).

Чтобы придать большій вѣсъ правительственнымъ распоряженіямъ и на мѣстѣ убѣдиться, до какой степени точно исполняются законодательныя предписанія, необходимы были правильно организованныя ревизіи и строгія разслѣдованія по поводу злоупотребленій властей. Такія мѣры дѣйствительно и были принимаемы въ это время. 27 января 1802 г. въ засѣданіи членовъ Государственнаго Совѣта обсуждалось донесеніе сенаторовъ

Салтыкова и Пестеля, которые по высочайшему повелѣнію разслѣдовали на мѣстѣ дѣло о злоупотребленіяхъ чиновниковъ Вятской губерніи по дошедшимъ на послѣднихъ доносамъ. Разсмотрѣвъ подробно докладъ, совѣтъ постановилъ: 1) Вятскаго губернатора Латышева «уволить съ пенсіей» отъ должности; 2) На его мѣсто назначить Владимірскаго губернатора Рунича, «по извѣстной его дѣятельности, знанію и безкорыстію; 3) «Рекомендованнымъ отъ сенаторовъ чиновникамъ объявить Высочайшее благоволѣніе»; 4) Неблагонадежныхъ чиновниковъ «въ примѣръ другимъ отъ мѣстъ отрѣшить»; 5) Наиболѣе же подозрительныхъ чиновниковъ «изъ Вятской губерніи выслать» (Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, часть I, стр. 55). Графъ Зубовъ однако настаивалъ, чтобы «обвиняемымъ предоставить всѣ средства къ оправданію» (ib., стр. 56—57). 5 февраля 1806 г. Государственный Совѣтъ разсматривалъ дѣло о злоупотребленіяхъ Калужскаго губернатора Лопухина и губернскаго прокурора Чаплина (ib., стр. 58 сл.). 18 марта 1807 г. совѣтъ обсуждалъ донесеніе ревизовавшаго Рязанскую губернію сенатора Рунича (ib., стр. 63—64). Въ 1805 г. была организована специальная ревизія изъ сенаторовъ для осмотра губерній. На докладъ по этому поводу правительствующаго сената, къ которому была приложена и подробная инструкція ревизорамъ, которой они должны были руководиться при осмотрѣ губерній, Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 5 іюня 1805 г. нашелъ нужнымъ присоединить къ инструкціи еще одинъ пунктъ: сенаторы обязаны слѣдить, «нѣтъ ли какихъ либо отъ мѣстныхъ губернскихъ начальниковъ народу притѣсненій, безгласныхъ налоговъ, такъ же жестокостей въ употребленіи власти и тому подобныхъ обстоятельствъ, коихъ открытіе зависитъ болѣе отъ благоразумнаго сенаторовъ наблюденія, нежели отъ публичнаго ихъ дѣйствія». Инструкція съ подобнымъ дополненіемъ 10 іюля того же года окончательно утверждена государственнымъ совѣтомъ.

Но законодательная дѣятельность императора Александра Павловича по вопросу о русскомъ правосудіи, стремившаяся

обезпечить торжество правды и законности въ судахъ, пріобрѣтала тѣмъ болѣе дѣйствительную силу, что находила для себя могущественную поддержку въ самомъ обществѣ. Усилія обличительной литературы второй половины 18-го вѣка внушить русскимъ людямъ отвращеніе отъ тѣхъ или другихъ злоупотребленій въ общественной жизни не прошли даромъ: взгляды отдѣльныхъ писателей стали теперь общимъ достояніемъ лучшей и просвѣщеннѣйшей части русскаго народа. Характеризуя состояніе нашего общества въ эту эпоху, Вигель говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «Всѣ завидовали тѣмъ счастливцамъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ» (часть I, стр. 235). Новыя поколѣнія смѣло сами пошли навстрѣчу начинаніямъ правительства и рѣшили съ своей стороны оказывать ему рѣшительное содѣйствіе. Чрезвычайную цѣнность для историка пріобрѣтаетъ съ этой точки зрѣнія уставъ общества, называвшагося Союзомъ Благоденствія. Оно возникло въ концѣ 1817 или въ началѣ 1818 гг. Исходя изъ той мысли, что «правительство, не смотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей», составители устава заявляли, что «учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрываетъ своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ». Члены кружка подраздѣлялись на четыре группы. «Въ первой предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ..... Во второй, умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ..... препятствуя по возможности воспитанія за границей и всякому чужеземному вліянію». «Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія *судовъ*; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ

въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, *даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства.* Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи» (Русс. Старина 1901, авг., стр. 272 — 74).

Какъ видимъ, члены общества стремились содѣйствовать правительству въ тѣхъ именно вопросахъ, которые такъ долго и такъ настойчиво разрабатывались нашими писателями въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ еще во вторую половину 18-го в. Но для настоящей работы имѣетъ значеніе прежде всего рѣшимость общества слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона въ дѣлахъ правосудія и принять всѣ мѣры къ обузданію безчестныхъ и къ поощренію справедливыхъ судей. При такихъ условіяхъ русское судопроизводство въ царствованіе Александра I должно было несомнѣнно измѣниться къ лучшему. Обращаясь къ свидѣтельству современниковъ, мы дѣйствительно получаемъ возможность наглядно убѣдиться, до какой степени рѣзко измѣнилось теперь общее положеніе вещей въ этомъ отношеніи. Такъ Ф. Ф. Вигель, изъѣздившій уже въ первые годы царствованія Александра Павловича едва ли не всю Россію въ различныхъ направленіяхъ и даже совершившій вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, направленнымъ въ Китай, продолжительное путешествіе по Сибири, отзывается почти о всѣхъ губернаторахъ, которыхъ встрѣчалъ и въ Россіи и въ Сибири, какъ о лицахъ примѣрной честности, стремившихся быть строгими исполнителями и блюстителями закона. По свидѣтельству современника Рунича, правительство, создавая министерства въ 1802 г., не могло не сознавать, что для того «надобно было найти цѣлый рой образованныхъ людей, чтобы замѣнить чиновниковъ стараго закала» (Рус. Ст. 1901, февр., стр. 350). По свидѣтельству другого современника, правительство такъ именно и поступило. Вигель,

говоря объ учрежденіи въ 1802 г. министерствъ, замѣчаетъ: «Канцеляріи министерствъ должны были сдѣлаться нормами и разсадниками для присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ. И дѣйствительно, молодые люди, преимущественно воспитанники духовныхъ академій или студенты единственнаго Московскаго университета, принесли въ нихъ сначала всѣ мечты юности о благѣ, объ общей пользѣ»; чиновникамъ этимъ, вдобавокъ, назначено было «приличное содержаніе», дававшее имъ возможность не только чисто одѣваться, но и позволять себѣ разумныя развлеченія (Восп., ч. II, стр. 25). Мы видимъ и на этотъ разъ, что сочувствіе просвѣщеннымъ начинаніямъ правительство прежде всего сказалось опять-таки въ идеалистически настроенныхъ молодыхъ поколѣніяхъ, которыя и являлись проводниками въ русскую общественную жизнь новыхъ культурныхъ началъ. Характеризую вообще правительственную дѣятельность императора Александра I по вопросамъ внутренняго управленія государствомъ и, слѣдовательно, имѣя въ виду состояніе администраціи и суда, Руничъ замѣчаетъ: «Время, протекшее со вступленія его на престолъ до 1810, 11 и 12 годовъ, будетъ на вѣки достопамятнымъ, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи въ половинѣ XIX вѣка. *Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію*» (Рус. Ст. 1901, февр., стр. 351). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же современникъ считаетъ время царствованія Александра I «новой эрой» русской жизни; по его мнѣнію, въ это время Россія какъ бы порвала связь съ предшествующими эпохами исторической жизни: «Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; нѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою» (ib., стр. 345). До такой степени казались невѣроятными современникамъ успѣхи русской жизни при императорѣ Александрѣ Павловичѣ во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія.

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! —

говорилъ приблизительно въ 1817 году авторъ комедіи «Горе отъ ума», — Грибоѣдовъ. Новые взгляды и понятія, неизбѣжно принимавшіе либеральный оттѣнокъ, въ это время успѣли широко распространиться въ русскомъ обществѣ. Декабристъ Бѣляевъ свидѣтельствуетъ, вспоминая періодъ свой юности, что къ концу первой четверти XIX в. «либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка» (Записки декабриста Бѣляева, стр. 154 сл.). Трудно приходилось при подобныхъ условіяхъ и защитникахъ старыхъ порядковъ въ судопроизводствѣ: духъ времени и новыя поколѣнія все больше и больше искореняли здѣсь произволъ и неправду; теперь старинный судъ могъ держаться лишь въ глухихъ закоулкахъ обширной Россіи, постепенно уступая мѣсто напору просвѣщенія; представители традиціоннаго правосудія оказывались уже безспорно отживающими типами; еще четверть вѣка, — и мы наканунѣ великихъ реформъ въ пользу всеобщаго торжества правды и законности, — наканунѣ суда скораго, праваго и милостиваго. Желая наглядно представить успѣхи русскаго правосудія, какіе оказало оно къ самому концу 18-го вѣка и началу 19-го, и вмѣстѣ показать эту, приводившую въ изумленіе современниковъ, глубокую пропасть, отдѣлявшую эпоху Екатерины II отъ первыхъ годовъ царствованія Александра Павловича, мы остановимся на слѣдующей эпизодической замѣткѣ въ Воспоминаніяхъ современника Вигеля, относящейся къ концу перваго десятилѣтія 19-го вѣка: «Къ удовольствію моему, — пишетъ онъ, — новый губернаторъ царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось; истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. Иногда, въ присутствіи Пензенскихъ жителей, позво-

лялъ онъ себѣ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости: Хороша здѣсь ярмарка, говорилъ онъ имъ съ досадной насмѣшкой: Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору, а мнѣ здѣсь купчишки поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ!» (Восп., ч. III, стр. 97). Этотъ губернаторъ, къ удивленію Вигеля, не стыдившійся признаваться въ стремленіи къ взяточничеству, былъ въ его глазахъ какимъ-то забавнымъ анахронизмомъ; современникъ положительно любовался имъ, видя въ немъ живой экземпляръ прежнихъ лихоимцевъ; подобные начальники губерній, очевидно, оказывались въ то время уже замѣчательной, интересной рѣдкостью; ихъ-то, несомнѣнно, и продолжало карать правительство. Между тѣмъ въ первую половину царствованія Екатерины II такой рѣдкостью были честные представители суда и администраціи; по крайней мѣрѣ въ запискахъ Добрынина разсказывается, что когда извѣстный своей неподкупной честностью генералъ Петръ Ивановичъ Боборыкинъ явился въ театръ, публика встрѣтила его шумными привѣтствіями и рукоплесканіями. Такъ рѣзко измѣнилось положеніе вещей въ какія-нибудь два-три десятилѣтія, тогда какъ продажность суда и всеобщее лихоимство до того времени упорно держались въ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Не забудемъ, что еще псковскій лѣтописецъ жаловался въ концѣ 15-го в. на московскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ-судей, что правда ихъ, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо и кривда въ нихъ начала ходить, что они позволяли себѣ неправый судъ, утѣсняли вдовъ и сиротъ и т. д.

Формулируемъ добытыя нами въ настоящемъ очеркѣ общія положенія по вопросу о вліяніи русской литературы второй половины 18-го в. на судопроизводство и законодательную дѣятельность правительства по этому вопросу:

1) Русское судопроизводство подъ вліяніемъ законодательныхъ распоряженій Екатерины II, Павла I и Александра I въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вв. рѣзко измѣнилось къ лучшему.

2) Самое законодательство по вопросу о правосудіи развива-

лось въ это время подъ прямымъ вліяніемъ обличительной русской литературы и потому являлось лишь проводникомъ въ общественную жизнь взглядовъ передовыхъ нашихъ писателей второй половины 18-го вѣка.

3) Правительство, требуя точнаго исполненія законодательныхъ предписаній по вопросу о правосудіи и строго карая ослушниковъ и нарушителей указовъ, тѣмъ самымъ улучшало русское судопроизводство.

4) Мѣры правительства, направленныя къ искорененію безпорядковъ въ судахъ, оказывались тѣмъ болѣе дѣйствительными, что находили для себя сочувствіе и поддержку въ лучшей части современнаго русскаго общества, особенно среди молодыхъ поколѣній, воспитавшихся на произведеніяхъ сатирической литературы.

5) Вмѣстѣ съ перемѣной понятій и нравовъ въ современномъ обществѣ мало-по-малу измѣнялись и улучшались взгляды, понятія и самый составъ судей, такъ что къ концу первой четверти 19-го вѣка старинные порядки въ русскихъ судахъ могли держаться лишь въ глухихъ захолустьяхъ.

6) Взяточничество если и продолжало еще существовать въ концѣ 18 и началѣ 19-го вв., то уже въ новомъ видѣ: это было не грубое вымогательство и грабительство, а добровольное соглашеніе съ просителями.

7) Случаи злоупотребленій въ судахъ, какіе отмѣчаются въ указахъ послѣднихъ годовъ царствованія Павла I и въ правленіе Александра I, оказываются уже не обычными явленіями, а скорѣе исключеніями въ судебной практикѣ этого времени, какъ отзвукъ старинныхъ взглядовъ.